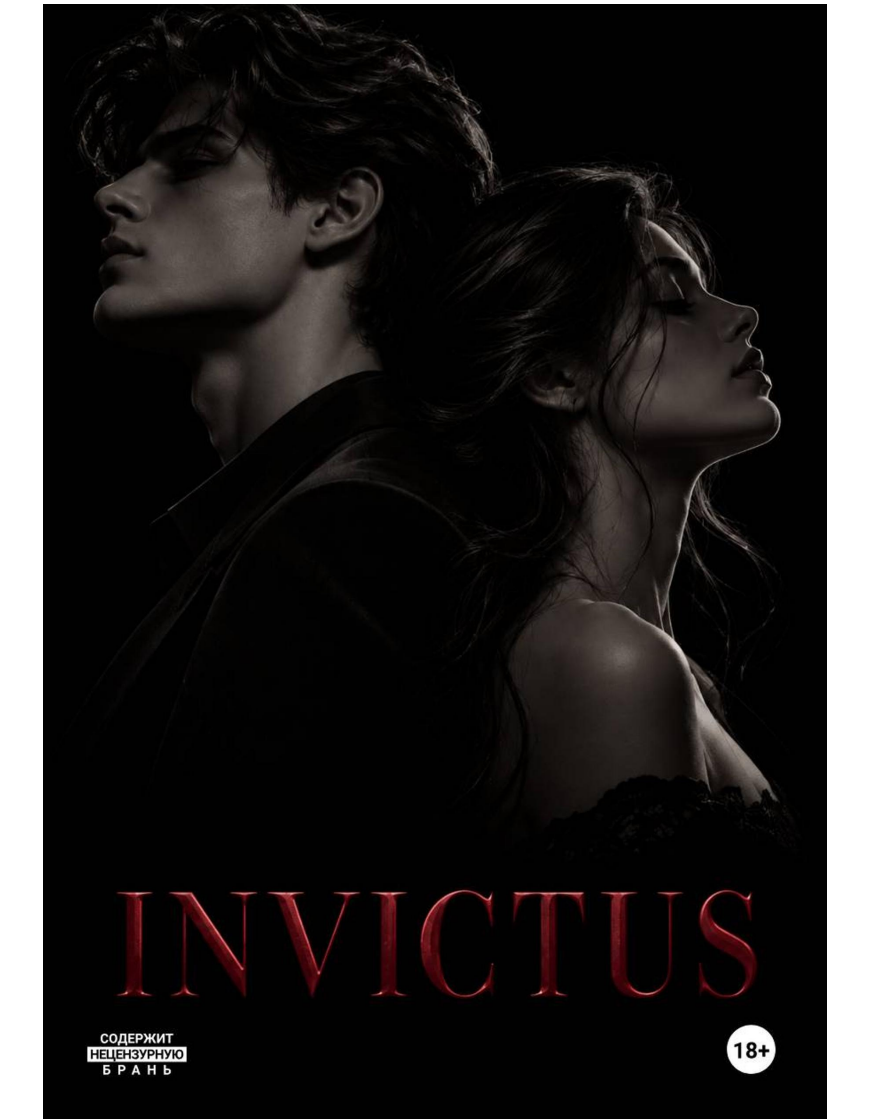

INVICTUS

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вера Фаллиан

Invictus

<https://litres.ru/74535183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кэтрин Рид привыкла рассчитывать только на себя. В девятнадцать она учится в Колумбийском университете, строит планы на будущее и точно знает: ни деньги, ни связи, ни красивые мужчины не заставят её свернуть с выбранного пути.

Натаниэль Кросс — её полная противоположность. Наследник финансовой империи, один из лучших студентов курса и парень, который привык получать желаемое.

Их знакомство должно было остаться частью университетской программы наставничества.

Одна неделя. Несколько встреч. Никаких лишних смыслов.

Но Кэтрин оказывается первой девушкой, которая не пытается ему понравиться, а Натаниэль — первым мужчиной, которого ей не удаётся просто выбросить из головы.

То, что начинается как взаимный интерес, постепенно превращается в игру по их собственным правилам.

Проблема лишь в том, что некоторые чувства невозможно прописать в договоре.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Вера Фаллиан

Invictus

Глава 1

Кэтрин

— Какого чёрта ты до сих пор здесь сидишь?

Кэтрин вздрогнула, когда Мэдди довольно бесцеремонно ткнула её локтем под рёбра. Зажатый между пальцев карандаш выскользнул, ударился о раскрытый учебник и покатился по длинному деревянному столу, заставив парня за соседним столом оторваться от ноутбука. Девушка напротив тоже подняла голову и недовольно поджала губы.

Из-за ближайшего стеллажа почти сразу донеслось раздражённое:

— Тише, пожалуйста.

Мэдди виновато втянула голову в плечи, но раскаяния в её глазах было примерно столько же, сколько обычно бывало после фразы «я больше не буду». Даже сейчас она умудрялась выглядеть так, будто появилась в библиотеке не после целого дня занятий, а только что вышла из дома: длинные каштановые волосы мягкими волнами лежали на плечах, большие тёпло-карие глаза блестели от едва сдерживаемого веселья, а на губах всё ещё держался тонкий слой блес-

ка. В Мэдди вообще было что-то обманчиво нежное: мягкие черты, тонкая фигура, привычка одеваться так, словно любой обычный день потенциально мог закончиться хорошим рестораном. Первое впечатление почти всегда обещало людям милую избалованную девочку. Обычно оно держалось ровно до того момента, пока Мэдди не открывала рот.

Кэтрин медленно повернулась к ней.

Несколько секунд она просто смотрела на подругу, не говоря ни слова. За день светлые, почти пшеничные волосы почти полностью выбились из небрежно собранного хвоста, и тонкие пряди то и дело падали на лицо. Голубые глаза, обычно ясные и слишком выразительные, чтобы Кэтрин могла успешно скрывать раздражение, теперь потемнели от усталости, а под ними залегли едва заметные тени. Впрочем, даже после нескольких часов над конспектами её внешность не становилась менее заметной — скорее приобретала ту небрежность, ради которой другие девушки тратили утром полчаса перед зеркалом. Сама Кэтрин об этом сейчас не думала. На столе перед ней царил тот особенный вид порядка, который понятен только человеку, проводшему над учёбой несколько часов подряд: открытый ноутбук, исписанные листы, два карандаша, стакан давно остывшего кофе и смятая упаковка от батончика.

— Ты нормальная вообще? — наконец тихо спросила она. Мэдди подняла обе ладони, изображая капитуляцию.

— Я всего лишь хотела убедиться, что ты ещё жива. Ты

не отвечаешь на сообщения уже несколько часов.

— Поэтому решила проверить пульс локтем?

— Сработало же.

Кэтрин захлопнула учебник чуть громче, чем собиралась. Несколько человек снова посмотрели в их сторону, и Мэдди, вместо того чтобы смутиться, только улыбнулась им с такой непосредственностью, будто это они нарушали её покой, а не наоборот.

В этот момент напротив Кэтрин отодвинулся стул. Харпер поставила на стол бумажный стакан с кофе и спокойно уселась, будто присутствовала здесь уже давно и просто ждала подходящего момента, чтобы вмешаться.

Внешне она подходила этой невозмутимости почти идеально. Прямые тёмные волосы едва касались плеч, открывая высокие скулы и чёткую линию подбородка; серо-зелёные глаза смотрели внимательно и чуть насмешливо, словно Харпер постоянно замечала на полсекунды больше остальных. В её лице не было мягкости Мэдди — черты были резче, брови темнее, движения сдержаннее. Даже одежда всегда выглядела предельно просто: ничего случайного, ничего кокетливого и ни одной детали, которой требовалось чужое одобрение. Красивой Харпер была совсем иначе — не той красотой, которая просила посмотреть, а той, на которой взгляд задерживался сам.

Она поочерёдно посмотрела на Кэтрин и Мэдди.

— Что? — первой не выдержала Мэдди.

— Пока ничего. Пытаюсь понять, кто из вас первой добьётся того, чтобы нас отсюда выставили.

— Она, — без колебаний заявила Мэдди и указала на Кэтрин. — Она здесь практически живёт. Думаю, ещё пара дней, и ей выделяют отдельную полку.

Кэтрин снова потянулась к учебнику, однако Мэдди тут же положила на обложку ладонь.

— Нет.

Кэт остановилась и выразительно посмотрела сначала на её руку, затем на нее.

— Убери.

— Не убери.

— Мэдисон.

— О, полное имя. Всё серьёзно.

За соседним столом кто-то тихо хмыкнул. Мэдди резко повернула голову, но парень уже уткнулся обратно в экран ноутбука, делая вид, что совершенно не имеет отношения к происходящему.

— Видишь? — прошептала она. — Даже он на моей стороне.

— Он смеётся над тобой.

— Не разрушай мою версию событий.

Харпер сделала глоток кофе и, не меняя выражения лица, заметила:

— Я бы всё-таки убрала руку. Она сегодня уже почти съела карандаш. Следующей можешь оказаться ты.

Мэдди опустила взгляд на лежащий возле локтя Кэтрин карандаш. Деревянный корпус действительно был весь испещрён следами зубов.

После короткого раздумья она всё же отняла ладонь от учебника.

— Ладно. Возможно, ты права. Она голодна.

— Я не голодна, — возразила Кэтрин, снова открывая книгу.

— Конечно. Поэтому твой обед состоял из кофе и батончика.

Кэт подняла глаза.

— Я ела.

— Батончик в два часа дня не считается едой.

Теперь уже Кэтрин посмотрела на Харпер.

— Откуда ты вообще знаешь, когда я его съела?

Харпер медленно опустила стакан.

— Потому что мы в этот момент сидели рядом с тобой.

Кэтрин нахмурилась, пытаясь восстановить в памяти события дня. По выражению лиц подруг она быстро поняла, что этим только ухудшает своё положение.

— Вот это уже начинает меня тревожить, — сказала Харпер.

Мэдди с тяжёлым вздохом оглядела заваленный стол.

— Кэт, ты пришла сюда после первой пары.

— И?

— И сейчас почти девять вечера.

Кэтрин уже открыла рот, собираясь возразить, но всё-таки потянулась за телефоном.

20:47.

Она замерла, и этого короткого движения оказалось достаточно, чтобы обе подруги всё поняли.

— Чёрт, — пробормотала она.

Мэдди удовлетворённо кивнула.

— Прекрасно. Первый шаг к выздоровлению — признание проблемы.

Кэтрин откинулась на спинку стула и потёрла ладонями лицо. Только теперь она почувствовала неприятное напряжение в шее и тяжесть в глазах. Время снова исчезло куда-то между формулами, заметками и таблицей, которую она обещала себе закончить ещё до ужина.

Перед ней оставались две задачи. Всего две. Если не считать нескольких страниц конспекта, которые неплохо было бы перечитать, и таблицы на ноутбуке, по-прежнему вызывавшей у неё желание начать всё сначала.

— Мне нужно ещё немного времени, — сказала она.

— Нет, — одновременно ответили подруги.

Кэтрин опустила руки и уставилась на них.

— Почему сегодня все разговаривают со мной одним словом?

— Потому что длинные предложения ты игнорируешь, — объяснила Харпер.

Мэдди уже потянулась к её рюкзаку.

— Мы идём есть.

— Вы можете идти без меня.

— Можем, — согласилась Мэдди. — Но тогда ты просидишь здесь до закрытия, съешь ещё один батончик и завтра будешь рассказывать, что у тебя почему-то болит голова.

— У меня контрольная в четверг.

Мэдди медленно повернулась к Харпер.

— Сегодня ведь понедельник?

— Всё ещё понедельник.

— Вот видишь.

Кэтрин закатила глаза и, сама того не замечая, намотала на палец выбившуюся прядь волос.

— Именно поэтому у меня есть время подготовиться нормально.

— Нормально? — переспросила Мэдди. — Кэт, ты учишься уже часов семь.

— С перерывами.

— Ты сходила в туалет два раза? Три? Это не перерывы.

Кэтрин невольно улыбнулась, но тут же попыталась спрятать улыбку, опустив взгляд на учебник.

Мэдди заметила всё равно.

— Харпер, ты видела? Она ещё умеет улыбаться.

— Редкое явление. Не спугни.

Кэтрин тихо фыркнула и снова взялась за карандаш.

Харпер поставила стакан на стол и наклонилась чуть ближе.

— Собирайся.

— Ты ещё хуже неё.

— Я знаю. Но у меня есть преимущество.

— Какое?

— Если ты сейчас не встанешь, я позволю Мэдди начать вслух рассказывать про её последнее свидание.

Мэдди мгновенно оживилась.

— Кстати, о свидании...

— Хорошо, — Кэтрин захлопнула учебник, не дав монологу Мэдди ни шанса на развитие.

Парень за соседним столом снова поднял голову, и на этот раз Кэт показалось, что он едва заметно улыбается.

— Прекрасно, — пробормотала она. — У нас уже есть постоянная аудитория.

Мэдди бросила в его сторону короткий взгляд.

— Не переживай. Он явно болеет за меня.

— Ты удивительно быстро придумываешь реальность, в которой всем нравишься.

— Потому что она обычно совпадает с настоящей.

Кэтрин только покачала головой и начала складывать листы в папку.

Телефон коротко завибрировал рядом с ноутбуком.

Она машинально перевернула его экраном вверх.

Новое письмо пришло от Экономического общества Колумбийского университета.

— Это о распределении? — тут же спросила Мэдди, снова

заглядывая ей через плечо.

— Если ты продолжишь читать мои сообщения, я помечу пароль.

— Ты его меняешь каждые три месяца и каждый раз выбираешь что-то, что можно угадать за минуту.

— Неправда.

— В прошлый раз там была дата рождения Нила Армстронга.

Кэтрин подняла голову.

— Этого пароля должно было хватить на долго, с учетом твоего углубленного познания биографии астронавтов.

— Именно поэтому пароль был особенно странным.

Харпер тихо усмехнулась.

Кэт открыла письмо и пробежала взглядом первые строки. Организационная информация, время встречи, несколько напоминаний, которые она уже слышала раньше. Ниже шёл список распределённых пар.

Она нашла свою фамилию почти сразу.

Кэтрин Рид.

Напротив стояло имя наставника.

Натаниэль Кросс.

Мэдди перестала улыбаться.

На секунду. А потом резко схватила Кэтрин за плечо.

— Да ладно.

— Что?

Харпер, уже собиравшаяся встать, снова наклонилась к

экрану и внимательно прочитала имя.

Её бровь медленно поднялась.

— О.

Кэтрин перевела взгляд с одной на другую.

— Что значит это ваше «о»?

Мэдди смотрела на неё так, будто только что выяснила, что Кэтрин никогда не слышала о Нью-Йорке.

— Ты правда не знаешь, кто такой Натаниэль Кросс?

Кэт ещё раз посмотрела на имя в письме. Оно ничего ей не говорило.

— А должна?

Харпер выпрямилась, взяла со стола свой кофе и обменялась быстрым взглядом с Мэдди.

На её губах появилась почти хищная улыбка.

— Нет, Кэт. Думаю, так будет гораздо интереснее.

На улице оказалось холоднее, чем Кэтрин ожидала.

Стоило тяжёлым дверям библиотеки закрыться за их спинами, как вечерний воздух сразу забрался под воротник пальто. Кэт поёжилась, натянула рукава на ладони и уже сделала полшага обратно, вспомнив о зарядке, оставленной возле розетки под столом.

Мэдди заметила это движение мгновенно.

— Даже не думай, — предупредила она и встала прямо перед дверями, широко расставив руки, словно самый дорогой шлагбаум в кашемировом пальто.

Кэтрин остановилась и несколько секунд молча смотрела на неё.

— Я забыла зарядку, — наконец произнесла она с тем подчёркнутым терпением, за которым подруги давно научились распознавать приближающееся раздражение.

— Купишь новую, — невозмутимо отозвалась Мэдди, словно предлагала взять салфетку, а не выбросить деньги на вещь, которая уже лежала в двадцати метрах от них.

Кэтрин даже не сразу нашлась с ответом.

— Вот именно поэтому у тебя четыре кредитки.

Мэдди слегка склонила голову и посмотрела на неё почти оскорблённо.

— Пять. Если уж собираешься меня осуждать, Кэт, делай это хотя бы на основании достоверных данных.

Харпер, успевшая спуститься на несколько ступеней ниже, остановилась и обернулась через плечо.

— Пожалуйста, не произноси это таким гордым голосом, — сухо заметила она.

— Я не горжусь, — Мэдди пожала плечами и поправила ремешок сумочки. — Просто люблю точность.

— Ты любишь тратить деньги, — уточнила Харпер.

Мэдди задумалась всего на мгновение.

— И это тоже.

Кэтрин всё-таки попробовала обойти её, но Мэдди моментально шагнула в ту же сторону и снова перегородила дорогу.

— Мэдисон, — протянула Кэт, уже без всякой попытки скрыть раздражение.

— Нет, — отрезала та, но, заметив выражение её лица, тут же заговорила мягче. — Кэт, я тебя слишком хорошо знаю. Ты сейчас вернёшься за зарядкой, увидишь открытую книгу, решишь проверить одну строчку, потом ещё одну, потом обнаружишь какую-нибудь ошибку в таблице, и через час мы снова будем вытаскивать тебя оттуда.

Кэтрин открыла рот, собираясь возразить, но достаточно веских аргументов так и не нашлось. Она недовольно поджала губы, что, разумеется, не укрылось от Харпер.

— Ненавижу это признавать, — заметила та, спускаясь ещё на одну ступень, — но сейчас она права.

Мэдди довольно вскинула подбородок.

— Спасибо.

— Не привыкай.

В этот момент дверь библиотеки открылась, и на улицу вышел тот самый парень, который почти весь вечер сидел неподалёку от них.

Увидев Мэдди, всё ещё стоявшую перед дверями с раскинутыми руками, он невольно замедлил шаг. Его взгляд скользнул по ней, затем по Кэтрин и наконец остановился на Харпер, словно он пытался определить, кто из троих способен объяснить происходящее.

Мэдди прищурилась.

— Есть вопросы, пупсик?

Парень моргнул, явно пожалев о собственном любопытстве, поднял обе ладони в примирительном жесте и, не произнеся ни слова, поспешил вниз по лестнице.

Кэтрин проводила его взглядом и с уважением заметила:
— Умный мальчик.

— Трусливый, — фыркнула Мэдди, наконец опуская руки.

— Жизнеспособный, — поправила Харпер.

Кэтрин не удержалась от улыбки, и через несколько секунд они наконец двинулись через кампус.

К вечеру дневная университетская суета становилась мягче, но не исчезала совсем. В освещённых окнах корпусов по-прежнему мелькали силуэты; кто-то спешил, прижимая ноутбук к груди, кто-то на ходу доедал поздний ужин, а небольшая компания студентов устроилась прямо на широких ступенях одного из зданий и смеялась так беззаботно, словно на следующее утро никому из них не предстояли ни пары, ни дедлайны, ни жизнь вообще.

После нескольких часов под белым библиотечным светом даже холодный воздух казался Кэтрин приятным. Напряжение понемногу отпускало плечи, мысли переставали пере скакивать от одной формулы к другой, и впервые за весь день она позволила себе просто идти, никуда особенно не торопясь.

Продлилось это недолго.

Возле велопарковки двое парней спорили с таким жаром,

будто от их разговора зависел по меньшей мере завтрашний курс доллара. До Кэтрин долетели слова о процентной ставке и доходности, и она совершенно непроизвольно сбавила шаг, прислушиваясь.

Харпер даже не повернула головы.

— Нет.

Кэтрин нахмурилась.

— Что — нет?

— Ты не пойдёшь туда объяснять им, кто из них неправ.

— Я вообще не собиралась ничего им объяснять, — возмутилась Кэтрин, хотя прозвучало это недостаточно убедительно даже для неё самой.

Харпер наконец повернула голову и посмотрела на неё тем особенным взглядом, который не требовал дополнительных вопросов.

Кэт выдержала его несколько секунд, после чего вскинула руки с почти детской обречённостью.

— Ладно. Возможно, я собиралась немного послушать.

— Именно.

Мэдди, которая до этого шла впереди спиной, моментально включилась в разговор.

— Господи, Кэт, ты иногда меня пугаешь, — призналась она, глядя на подругу так, будто только что обнаружила у неё очередную странную способность.

— Тебя пугает математика.

— Меня пугает всё, где вместо нормальных человеческих

слов появляются символы.

Кэтрин понимающе кивнула.

— Это многое объясняет.

Мэдди показала ей язык, развернулась и некоторое время шла рядом молча.

Продержалась она, разумеется, недолго.

— Я всё ещё не могу поверить, что ты не знаешь Кросса, — вновь начала она, и по её тону было понятно, что эта мысль действительно не давала ей покоя все последние пять минут.

Кэтрин устало вздохнула.

— Мне уже начинает казаться, что Натаниэль Кросс входит в обязательную программу Колумбийского.

— Для нормальных людей — почти, — совершенно серьёзно ответила Мэдди.

— Тогда хорошо, что я к ним не отношусь.

На лице Мэдди тут же появилось довольное выражение.

— Наконец-то призналась.

Кэтрин проигнорировала её и плотнее запахнула пальто.

— Я знаю людей с фамилией Кросс. Что в этом такого?

Мэдди остановилась настолько резко, что девушка, шедшая следом, едва не налетела на неё.

— Простите, — быстро бросила она через плечо, отступила в сторону и тут же снова повернулась к Кэтрин. — Нет, дорогая. Ты знаешь людей, которых зовут Кросс. Натаниэль Кросс — это отдельная категория.

Кэтрин медленно перевела взгляд на Харпер.

— Переведёшь это на язык людей?

Харпер засунула руки глубже в карманы и, метнув короткий взгляд в сторону Мэдди, едва заметно усмехнулась.

— Не хочу вмешиваться. Мне гораздо интереснее узнать, через сколько минут она наконец выдохнется.

— Я не выдыхаюсь, — тут же возмутилась Мэдди.

— К сожалению, — буркнула Кэтрин.

До кафе неподалёку от кампуса они добрались через несколько минут. Через запотевшие окна виднелись почти полностью занятые столики, а когда дверь открылась, навстречу им ударил тёплый воздух, пахнувший кофе, выпечкой и поджаренным хлебом.

Возле входа стояли двое парней. Один из них сразу посторонился, пропуская девушек, и задержал взгляд на Кэтрин заметно дольше, чем требовала обычная вежливость.

Она машинально улыбнулась ему и прошла внутрь, даже не придав этому значения.

Мэдди, вошедшая следом, конечно же, заметила всё.

— Ты неисправима, — тихо сказала она, наклоняясь к Кэтрин, пока та снимала шарф.

Кэт настороженно посмотрела на неё.

— Я ещё ничего не сделала.

— В этом и проблема. Парень чуть шею себе не свернул, пока тебя провожал взглядом, а ты даже не заметила.

Кэтрин мельком посмотрела назад. Парень уже разговари-

вал со своим приятелем, и она снова повернулась к Мэдди.

— И что я должна была сделать? Вернуться и поблагодарить его за самоотверженность?

Харпер, шедшая позади, тихо фыркнула.

Мэдди закатила глаза.

— Иногда я не понимаю, как при такой внешности ты умудряешься быть настолько скучной в вопросах мужчин.

— Я не скучная, — спокойно возразила Кэтрин, стягивая перчатки. — Я просто не считаю чужой взгляд судьбоносным событием.

— А могла бы хотя бы иногда получать от этого удовольствие.

Кэт посмотрела на неё с лёгкой усмешкой.

— Ты прекрасно получаешь его за нас обеих.

Харпер обошла их и направилась искать свободный столик.

— И ещё за тридцать процентов населения Манхэттена, — бросила она через плечо.

— Зависть очень старит, Харпер, — с достоинством сообщила Мэдди и отправилась следом.

Они с трудом отвоевали небольшой столик у окна. Харпер бросила сумку на соседний стул и сразу пошла к стойке, а Мэдди уселась напротив Кэтрин, даже не сняв пальто.

Кэт едва успела опуститься на стул, как желудок неприятно сжался, напоминая о том, что один батончик действительно был сомнительной заменой полноценному обеду. Она

машинально прижала ладонь к животу и тут же пожалела об этом, заметив, как изменилось выражение лица Мэдди.

Самодовольство буквально расцвело на нём.

— Ни слова, — предупредила Кэтрин, ткнув в её сторону пальцем.

Мэдди прижала ладонь к груди, изображая оскорблённую невинность.

— Я вообще ничего не говорю.

— Зато смотришь так, будто последние двадцать минут только и ждала, когда мой желудок перейдёт на твою сторону.

Уголки губ Мэдди дрогнули.

— Но ведь перешёл.

— Я тебя ненавижу.

— Нет, — ласково протянула та. — Ты просто голодная.

Кэтрин тяжело вздохнула и потянулась к лежащему на столе меню, но краем глаза заметила, как Мэдди уже что-то быстро ищет в телефоне.

Она прищурилась.

— Я уже боюсь спрашивать, что ты там ищешь.

Пальцы Мэдди замерли над экраном, а на лице появилась та самая невинная улыбка, которая обычно означала ровно обратное.

— С чего ты решила, что я ищу что-то для тебя?

— Потому что после нескольких лет дружбы я научилась распознавать выражение лица человека, который собирается

сунуть нос туда, куда его не просили.

— Какая неблагодарность.

Мэдди ещё несколько раз провела пальцем по экрану, а затем с торжеством развернула телефон.

— Натаниэль Кросс, — объявила она так, будто наконец предъявила суду главное доказательство.

Кэтрин прикрыла глаза и медленно выдохнула.

— Ты не успокоишься, пока не проведёшь мне полноценную презентацию, да?

— Именно. Итак: последний курс, финансовая экономика, отличные оценки, очень много денег и совершенно неприличная внешность. Последнее к учёбе отношения не имеет, но я считаю информацию важной.

— Наконец-то честная оговорка, — с усмешкой заметила Кэтрин.

— Подожди, я только начала.

— Почему я даже не сомневалась?

Мэдди придвинула телефон к ней по столу.

Кэтрин из принципа несколько секунд не смотрела на экран. Даже потянулась к меню, демонстрируя полнейшее отсутствие интереса, но строки перед глазами почему-то отказались складываться в слова.

Любопытство всё-таки победило.

Фотография была сделана на каком-то официальном мероприятии. Натаниэль стоял немного в стороне от небольшой группы людей и слушал мужчину рядом. Он не смотрел

в камеру, не позировал и, судя по расслабленной позе, вообще не подозревал, что его в этот момент фотографируют.

И именно это делало снимок раздражающе удачным.

Кэтрин невольно задержалась на нём взглядом. Чёрные волосы, тёмные глаза, резко очерченные скулы и лицо, в котором не было той мягкости, из-за которой привлекательных мужчин хотелось назвать миловидными. Натаниэль Кросс миловидным точно не был. Даже на обычной фотографии от него исходила спокойная, почти ленивая уверенность человека, которому давно не приходилось доказывать окружающим собственную значимость.

И, что раздражало сильнее всего, Мэдди не преувеличивала.

Он действительно был чертовски красив.

Кэтрин сама не заметила, как задержалась на фотографии дольше, чем собиралась, и опомнилась только тогда, когда подняла глаза и наткнулась на довольное лицо Мэдди. Та сияла так, словно только что выиграла какое-то тайное пари, хотя Кэт понятия не имела ни о ставках, ни о правилах.

— Даже не смей делать из этого событие, — сказала Кэтрин, возвращая ей телефон.

— Я? Никогда, — сладко протянула Мэдди, но довольная улыбка полностью разрушала попытку изобразить невинность.

— Тебе даже говорить ничего не нужно. У тебя сейчас всё на лице написано.

— Мне нельзя порадоваться тому, что у моей подруги всё-таки есть пульс?

Кэтрин фыркнула.

— Хорошо. Он красивый. Можешь перестать вести себя так, будто лично его создала.

Мэдди широко распахнула глаза.

— Красивый? Кэт, «красивый» — это парень за стойкой. Кросс выглядит так, будто кто-то очень старательно собирал его исключительно для того, чтобы портить женщинам здравый смысл.

Кэтрин не удержалась от смеха.

— Он человек, Мэдди. С двумя глазами, носом и ртом. Немного успокойся.

— У тебя совершенно нет души, — с искренней печалью заключила та.

— Есть, — Кэтрин откинулась на спинку стула и, приподняв бровь, добавила: — Просто она не капитулирует перед мужскими скулами. У неё есть определённые стандарты.

Мэдди недоверчиво сощурилась.

— Врёшь. Ты смотрела на фотографию секунд десять.

— Я изучала будущего наставника.

— Разумеется. Особенно тщательно область скул.

Кэтрин уже собиралась достойно ответить, когда рядом появилась Харпер и поставила перед ней тарелку с сэндвичем.

Кэт посмотрела сначала на еду, затем на подругу.

— Я это не заказывала.

— Я знаю, — спокойно ответила Харпер, снимая пальто и усаживаясь напротив. — Если бы я оставила выбор тебе, ты бы двадцать минут изучала меню, потом решила, что ничего особенно не хочешь, выпила ещё один кофе и через полчаса снова оказалась бы в библиотеке.

Кэтрин уже набрала воздуха для возражения, но, встретившись с совершенно невозмутимым взглядом Харпер, передумала. Спорить с человеком, который настолько точно описал следующие полчаса её жизни, было бы просто унизительно.

Она придвинула тарелку ближе.

— Вы обе сегодня особенно невыносимы.

— Зато сегодня ты хотя бы поешь, — заметила Харпер, поднося чашку кофе к губам. — Считай это нашей маленькой победой.

Мэдди тут же развернула к ней телефон с фотографией Натаниэля.

— Между прочим, она признала, что он красивый.

Харпер мельком посмотрела на экран, потом перевела взгляд на Кэтрин и пожала плечом.

— У Кэт есть глаза. Это никогда не было секретом.

— Спасибо, — с достоинством сказала Кэтрин и наконец откусила сэндвич.

Мэдди возмущённо откинулась назад.

— Почему никто не способен оценить масштаб события?

— Потому что масштаб события существует исключительно у тебя в голове, — лениво ответила Харпер.

Кэтрин, неожиданно осознавшая, насколько сильно проголодалась, некоторое время просто ела и слушала их вполуха. Мэдди продолжала возмущаться эмоциональной ущербностью подруг, Харпер время от времени отвечала ей короткими колкостями, а фамилия Кросс тем временем продолжала назойливо цепляться за память.

Наконец Кэт нахмурилась и подняла голову.

— Подожди. Его отец — Ричард Кросс?

Мэдди мгновенно замолчала, а затем медленно расплылась в улыбке.

— Ну наконец-то.

— Кросс Кэпитал? — продолжила Кэтрин, не обращая внимания на её реакцию.

Мэдди с трагическим стоном запрокинула голову.

— Это невероятно. Я десять минут рассказываю тебе про великолепного мужчину, показываю фотографию, практически провожу экскурсию, а узнаёшь ты его в итоге по инвестиционной компании отца.

— Инвестиционной группе, — машинально поправила Кэтрин.

Харпер тихо рассмеялась и покачала головой.

— Брось, Мэдди. Ты проиграла в тот момент, когда решила, что скулы способны конкурировать с финансами за внимание Кэт.

Кэтрин пожала плечами, продолжая жевать. Теперь она точно вспомнила, где видела эту фамилию. Несколько месяцев назад ей попадалась большая статья о сделке «Кросс Кэпитал» с коммерческой недвижимостью; кажется, один из преподавателей даже разбирал её на занятии как пример агрессивного, но хорошо рассчитанного расширения портфеля.

Она машинально потянулась к телефону.

Харпер тут же заметила движение и ловко сдвинула лежащий на столе аппарат подальше от её руки.

— Сначала доешь.

Кэтрин возмущённо посмотрела на неё.

— Я хотела проверить всего одну вещь.

— Ты последние восемь часов проверяла «всего одну вещь», — напомнила Харпер. — Теперь попробуй хотя бы закончить ужин раньше, чем начнёшь очередное исследование.

— Семь часов, — пробормотала Кэтрин.

— Это не та поправка, которая делает ситуацию лучше.

Мэдди засмеялась.

— Вы с Харпер иногда напоминаете мне давно женатую пару. Она запрещает тебе работать, ты споришь из принципа, а потом всё равно делаешь, как она сказала.

— Тогда ты наш проблемный ребёнок, — не задумываясь, ответила Кэтрин.

Мэдди тут же оживилась.

— В таком случае мне положено содержание.

Харпер медленно посмотрела на неё поверх кружки.

— Тебе положен финансовый консультант.

Мэдди задумчиво перевела взгляд на Кэтрин.

— Вообще-то...

Кэт моментально поняла, куда движется эта мысль, и подняла ладонь.

— Даже не рассчитывай. Я видела, как ты покупаешь третью пару почти одинаковых туфель только потому, что у одной «немного другой оттенок бежевого». Тут медицина бес-
сильна.

Мэдди возмущённо ахнула, а Харпер тихо рассмеялась.

В этот момент за соседним столиком кто-то резко отодвинул стул. Проходивший мимо парень дёрнулся в сторону, поднос в его руках опасно накренился, и бумажный стакан с кофе заскользил к самому краю.

Кэтрин среагировала почти автоматически, успев подхватить его раньше, чем содержимое оказалось на полу.

Парень застыл с выражением человека, которому только что вернули несколько лет жизни.

— Господи, спасибо.

— Не за что, — ответила Кэт, осторожно поставив стакан обратно на поднос. — Сегодня у кофе хороший день.

Парень рассмеялся, ещё раз поблагодарил её и отошёл.

Вернувшись к сэндвичу, Кэтрин почти сразу почувствовала на себе пристальный взгляд Мэдди. Та ничего не гово-

рила, но выглядела так, словно уже подготовила очередной вывод о её характере.

— Даже не пытайся сейчас сделать из этого психологический портрет, — предупредила Кэт.

— А я вообще-то собиралась отметить, что ты бросилась спасать латте с такой скоростью, с какой нормальные люди спасают детей.

— Он летел мне на ботинки.

Харпер тихо усмехнулась.

— Конечно.

Кэт выдержала несколько секунд, а потом всё же добавила:

— И парень расстроился бы.

Мэдди тут же победно вскинула палец.

— А вот теперь прозвучала настоящая причина.

— Наслаждайся своей победой молча.

Несколько минут разговор перескакивал с одного на другое, пока Кэтрин снова не вернулась мыслями к Кроссу. Теперь её любопытство уже не ограничивалось фотографией.

— Хорошо, допустим, внешность Кросса мы обсудили до уровня экспертного заключения. Он хотя бы действительно настолько умен, как о нём говорят?

Мэдди мгновенно оживилась и протянула с явным удовольствием:

— Ага.

Кэт прищурилась.

— Не надо этого твоего «ага». Мне интересно исключительно потому, что я должна провести с ним неделю и хотела бы получить от неё хоть какую-то пользу.

Харпер, в отличие от Мэдди, ответила серьёзно:

— Насколько я знаю, учится он действительно хорошо. Один из лучших на своём курсе. И преподаватели относятся к нему нормально не только потому, что его фамилия Кросс.

Кэтрин отложила сэндвич.

Вот это было уже полезнее.

— Один из лучших насколько?

Мэдди простонала и картинно опустила лоб на ладонь.

— Всё. Я капитулирую. Надо было сразу показывать тебе не его фотографию, а табель с оценками. Я выбрала совершенно неверную стратегию.

— Потому что твоя стратегия рассчитана на тебя, — заметила Харпер. — Кэт интересуется другое.

Мэдди выпрямилась.

— У него ещё какой-то собственный бизнес. Не спрашивай меня, чем именно они занимаются. Там есть слово Индастриес и приблизительно на нём мой мозг прекращает сотрудничество.

Кэтрин удивлённо подняла брови.

— В двадцать два?

— Богатые дети, — философски сказала Мэдди, — раньше начинают взрослеть.

Харпер медленно повернулась к ней.

— Ты сама богатый ребёнок.

Мэдди отпила из стакана и совершенно невозмутимо ответила:

— Я решила пойти против системы.

Кэтрин рассмеялась и покачала головой.

Теперь образ Натаниэля Кросса в её голове немного изменился. Красивый наследник богатой семьи сам по себе не представлял для неё особого интереса. Красивый наследник, который действительно хорошо учился и в двадцать два года пытался строить собственную компанию, — уже чуть любопытнее.

— Хорошо, — сказала она, снова берясь за сэндвич. — А теперь расскажите, что с ним не так.

Мэдди и Харпер переглянулись настолько синхронно, что Кэтрин сразу насторожилась.

— Что?

Харпер первой пожала плечами.

— Ничего катастрофического. Просто Кросс прекрасно знает себе цену.

Мэдди недовольно поморщилась.

— Слишком мягко. Он самовлюблённый.

— Самоуверенный, — поправила её Харпер, чуть качнув головой. — Это всё-таки разные вещи.

— Эгоцентричный, — не сдалась Мэдди и начала загибать пальцы. — Привыкший, что мир в целом неплохо подстраивается под его планы.

Харпер задумалась над формулировкой, прежде чем признать:

— Иногда — да.

— И наглый, — с особым удовлетворением закончила Мэдди, словно наконец добралась до главного пункта обвинения.

На этот раз Харпер спорить не стала. Она сделала глоток кофе и кивнула:

— Вот с этим соглашусь.

Кэтрин выслушала их с совершенно серьёзным выражением лица, после чего медленно отложила еду.

— Подождите. Вы хотите сказать, что красивый, умный и очень богатый парень в двадцать два года знает, что он красивый, умный и очень богатый?

Она театрально прижала ладонь к груди.

— Боже. Какая трагедия. Надеюсь, университет уже предоставил ему психологическую поддержку.

Харпер прыснула в кофе.

Мэдди ткнула в сторону Кэтрин соломинкой.

— Вот. Вот именно это ты завтра ему и скажешь.

Кэт увернулась от соломинки и спокойно продолжила:

— Если он даст мне повод, почему нет?

Улыбка Мэдди стала почти предвкушающей.

— Потому что нормальные люди не разговаривают так с Натаниэлем Кроссом.

— Тогда у меня снова преимущество. Вы уже обе пришли

к выводу, что я ненормальная.

Судя по довольному выражению лица Мэдди, завтрашней встречи она теперь ждала едва ли не сильнее самой Кэтрин.

В этот момент телефон на столе коротко завибрировал.

Кэт разблокировала экран и увидела новое сообщение.

Первая встреча участников программы наставничества — завтра, 14:30. Лернер-холл.

Она машинально открыла календарь. В два заканчивалась пара; если преподаватель не задержит их, она успеет без проблем. Встреча вряд ли продлится больше часа, а значит, вечером ещё останется достаточно времени, чтобы вернуться к таблице.

Кэт быстро создала новую запись.

14:30 — Натаниэль Кросс.

Мэдди, конечно же, умудрилась заглянуть ей через плечо даже в этот момент.

— Ты просто внесла его в календарь?

Кэтрин закончила печатать и только потом подняла голову.

— А что, по-твоему, я должна была написать? «Встреча с мужчиной невероятной природной красоты. Скулы.»?

Харпер поперхнулась кофе, а Мэдди сначала застыла с открытым ртом, а потом расхохоталась так громко, что люди за соседним столиком обернулись.

Кэтрин совершенно спокойно заблокировала телефон.

— Ты ужасный человек, — наконец выдохнула Мэдди,

вытирая выступившие от смеха слёзы.

— Зато очень организованный, — невозмутимо ответила Кэт.

Она убрала телефон в сумку и вернулась к ужину, однако теперь образ Натаниэля Кросса уже не исчезал из головы так легко, как ей хотелось бы. Красивым он был без всяких оговорок, деньги его семьи не вызывали сомнений, а вот всё остальное ещё предстояло проверить самой. Возможно, за уверенным взглядом и громкой фамилией действительно скрывался человек, способный чему-то её научить; возможно, Мэдди просто слишком увлеклась университетскими легендами.

Так или иначе, завтра Кэтрин собиралась составить о нём собственное мнение.

И уж точно не по скулам.

Глава 2

Натаниэль

Нейт уже в третий раз возвращался к одной и той же строке финансовой модели.

Цифры сходились, и именно это раздражало больше всего.

Он провёл пальцем по тачпаду, вернулся к предыдущей вкладке и ещё раз сопоставил прогноз с таблицей расходов. Если команда всё рассчитала верно, предложенные условия сделки можно было принимать. Если же где-то в модели пряталась хотя бы одна ошибка, через несколько месяцев обязательно найдётся человек, который с нескрываемым удовольствием спросит, почему двадцатидвухлетний основатель, ещё даже не успевший получить диплом, решил, что способен перехитрить людей, занимавшихся инвестициями тогда, когда он сам едва умел завязывать шнурки.

Нейт откинулся на спинку стула и провёл ладонью по волосам, окончательно растрепав чёрные пряди, которые и без того плохо подчинялись попыткам уложить их аккуратно. Рукава тёмного джемпера были привычно подтянуты к локтям, часы съехали ниже по запястью, и он машинально вернул их на место прежде, чем снова потянуться к ноутбуку. В двадцать два Натаниэль уже успел приобрести ту внешнюю собранность, которую окружающие часто принимали за

холодность: высокий, широкоплечий, с резкими скулами и спокойным выражением лица, он редко производил впечатление человека, которого можно застать врасплох. По крайней мере, сам предпочитал, чтобы именно так и выглядело со стороны.

Телефон лежал справа от ноутбука и по-прежнему молчал. Нейт снова машинально скосил на него глаза, поймал себя на этом и вернулся к расчётам.

Письмо от юристов не появлялось быстрее только потому, что он каждые несколько минут проверял экран, но от этого знания его раздражение никуда не исчезало.

Разумеется, Логан всё заметил.

Обычный университетский стул явно не соответствовал представлениям Пирса о человеческом комфорте. За время, которое они провели здесь, он успел перепробовать, кажется, все возможные способы на нём сидеть и в конце концов сполз почти к самому краю, вытянув длинные ноги в проход. Логан и в нормальном положении занимал немало пространства — высокий здоровяк, с густыми светло-каштановыми волосами, которые вечно лежали чуть небрежно, и живыми карими глазами, в которых почти постоянно мелькало предвестие очередной глупости. Улыбался он легко, часто и слишком хорошо знал, какое впечатление эта улыбка производит. Даже сейчас, лениво перекатывая между пальцами пустой бумажный стакан, Пирс выглядел не скучающим, а скорее человеком, который вот-вот придумает себе развле-

чение.

— Ещё пара таких взглядов, и телефон сам напишет тебе: «Прости, Нейт, я больше так не буду».

По тону Логана сразу становилось понятно: собственные развлечения на ближайшие несколько минут он уже нашёл.

Натаниэль не торопился отрываться от таблицы.

— Тебе настолько скучно?

— Невероятно, — без малейшего стыда признался Логан и, прищурившись, снова посмотрел на телефон. — Но я начинаю втягиваться. Великий Натаниэль Кросс против черного экрана телефона. Пока телефон ведёт.

Нейт наконец поднял голову. Выражение лица осталось спокойным, однако Логан слишком давно его знал, чтобы не распознать за этим спокойствием предупреждение.

— Продолжай. Мне уже интересно, насколько сильно тебе сегодня хочется испортить себе настроение.

Вместо того чтобы остановиться, Пирс устроился ещё удобнее.

— Вот это лицо я знаю. Такое у тебя бывает, когда мир минут пять не делает то, что ты ему сказал. Ещё немного — и ты купишь почтовый сервер просто для того, чтобы его уволить.

Уголок рта Нейта дрогнул.

С кресла напротив слышался тихий шелест бумаги. Эдриан перевернул страницу, не проявляя ни малейшего желания вмешиваться.

Локвуд был полной противоположностью Логану даже внешне. Чуть более худощавый, но высокий, с тёмно-русыми волосами и серыми глазами, которые из-за привычно спокойного выражения казались холоднее, чем были на самом деле. Черты лица у него были резкими, почти аскетичными. выраженные скулы, прямой нос, жёсткая линия рта. Он редко улыбался, почти никогда не жестикулировал без необходимости и умудрялся даже в обычной одежде выглядеть так, будто уже заранее устал от большинства людей вокруг.

За всё это время Эдриан почти не изменил позы: нога закинута на ногу, тёмное пальто аккуратно сложено рядом, книга раскрыта примерно на середине. Незнакомый человек вполне мог бы решить, что двух друзей в нескольких шагах от него вообще не существует.

— Семь, — произнёс Эдриан, не отрываясь от книги.

Логан нахмурился.

— Что семь?

Локвуд дал себе ещё секунду на чтение, спокойно перевёл взгляд через край страницы и только тогда ответил:

— Столько раз он посмотрел на телефон.

На лице Логана медленно проступило недоверие. Он повернулся к Нейту, потом снова к Эдриану, словно только что обнаружил среди друзей человека с пугающе бесполезной сверхспособностью.

— Вот почему он меня напрягает. Я хотя бы честно вмешиваюсь в твою жизнь. Этот сидит с книгой и параллельно

ведёт наблюдение.

— С твоей громкостью наблюдение не требуется, — сухо заметил Эдриан. — Достаточно находиться в том же здании.

Нейт усмехнулся.

— Наконец-то кто-то нашёл формулировку, которую даже ты должен понять.

Логан с оскорблённым достоинством прижал стакан к груди.

— Я создаю атмосферу.

— Ты создаёшь шум.

— Если компания хорошая, это одно и то же.

Пирс подбросил стакан и поймал его одной рукой, едва не задев проходившую мимо девушку. Та резко дёрнулась в сторону и бросила на него раздражённый взгляд.

Логан преобразился мгновенно.

— Извини, красавица.

В голосе появилась та самая лёгкая, почти бесстыдная обаятельность, которой он пользовался с такой естественностью, словно родился уже умеющим флиртовать.

Девушка явно собиралась ответить что-то не слишком приятное, но, встретившись с ним глазами, только покачала головой. Раздражение не исчезло полностью, однако улыбку она всё-таки спрятать не смогла.

Логан проводил её до лестницы с видом человека, только что получившего очередное подтверждение правильности своей жизненной философии.

— Когда-нибудь, — заметил Нейт, наблюдая за его довольной физиономией, — тебе попадётся женщина, которая посмотрит на эту улыбку и всё равно решит, что ты идиот.

Пирс неторопливо поправил воротник.

— Тогда обязательно познакомишь.

— Я даже постараюсь присутствовать при вашем первом разговоре. Хочу своими глазами увидеть, как впервые в жизни твоя челюсть окажется бесполезной.

Эдриан не выдержал и тихо хмыкнул.

Логан мгновенно повернул голову в его сторону, но Локвуд уже снова был безукоризненно погружён в книгу.

— Нет. Подожди. Ты сейчас смеялся?

— Тебе показалось.

— Я тебя пятнадцать лет знаю. У тебя всего четыре эмоции, Локвуд. Я каждую узнаю.

Эдриан медленно перевёл на него глаза. Несколько секунд он молча разглядывал друга с тем бесстрастным терпением, с каким обычно смотрят на человека, добровольно выбравшего унижение, а потом без единого слова вернулся к книге.

Натаниэль наблюдал за ними с едва заметной улыбкой.

— Не втягивай меня в ваши семейные разборки.

Логан тут же указал на Эдриана пальцем.

— Видишь, что он с тобой сделал? Ты уже шутишь.

— Значит, лечение работает.

Пирс хотел ответить, но Нейт уже закрыл ноутбук. Крышка легла чуть резче, чем он собирался: после нескольких ча-

сов расчётов цифры начинали сливаться, а письма от юристов Аксиом Индастрис по-прежнему не было. Он всё равно ничего не изменит, если проведёт следующие десять минут, обновляя почту.

Откинувшись на спинку, Натаниэль позволил взгляду пройти по окружающей обстановке.

Лернер-холл был наполнен тем особым беспорядком, который в университете каким-то образом никогда не превращался в настоящий хаос. Поток студентов то густел, то редел у лестниц; вокруг информационных стендов собирались небольшие компании; кто-то устроился с ноутбуком прямо на широком подоконнике. Неподалёку парень эмоционально спорил с девушкой, размахивая папкой так энергично, что несколько листов уже начали опасно выскальзывать из-под его пальцев.

На этом фоне Логан и Эдриан выглядели удивительно органично, хотя ни одному из них здесь совершенно не требовалось находиться. До встречи по программе наставничества оставалось всего несколько минут, и Нейт наконец решил озвучить вопрос, который возник у него ещё тогда, когда друзья увязались следом.

— Напомните, почему я вообще должен был взять вас с собой?

Логан моментально выпрямился, будто только и ждал возможности представить официальную версию событий.

— Во-первых, ты нас не брал. Во-вторых, мы доброволь-

но пришли оказать моральную поддержку человеку, который бескорыстно жертвует своим драгоценным временем ради образования следующего поколения.

Эдриан медленно поднял глаза поверх книги.

— Ему было скучно.

Логан повернулся к нему с искренним возмущением.

— Почему ты каждый раз уничтожаешь красивую версию?

— Потому что правда короче.

Нейт усмехнулся и перевёл взгляд на Эдриана.

— А тебя тогда что привело?

Локвуд лишь слегка повёл плечом.

— Пирс сказал, что будет здесь.

В этом они были удивительно постоянны. Логан мог в три часа ночи заявиться с идеей, которая казалась ему гениальной ровно до утра, опустошить холодильник и каким-то образом убедить остальных, что немедленно выехать из города — вполне разумный план. Эдриан обычно называл всё происходящее идиотизмом, но через десять минут уже сидел в машине рядом.

Наверное, поэтому за долгие годы никому из них так и не пришлось всерьёз задаваться вопросом, почему они до сих пор дружат.

Их семьи решили всё гораздо раньше: общие праздники, благотворительные вечера, отпуска, бесконечные ужины, где взрослые говорили о бизнесе, а детей отправляли развле-

каться вместе. Однажды это просто перестало быть обязанностью, навязанной родителями, и стало привычной частью жизни.

Телефон на столе завибрировал прежде, чем Нейт успел снова открыть ноутбук. Он потянулся к нему почти рефлексивно, и слишком быстрая реакция немедленно вызвала на лице Логана выражение умиления, от которого захотелось запустить телефоном ему в голову.

— Нет, теперь я действительно заинтересован, — протянул Пирс, подавшись вперёд. — Так реагируют либо влюблённые, либо люди, которым должны очень много денег. Я бы предпочел романтическую катастрофу.

Нейт открыл уведомление и почти сразу пожалел, что вообще взял телефон в руки. Вместо документов Аксиом на экране оказалось очередное письмо от университета — одно из тех, которые можно без ущерба оставить непрочитанными до конца недели.

Он погасил экран и положил телефон обратно.

— Если бы я ждал сообщение от женщины, мне бы не пришлось сомневаться, что она ответит.

Логан пару секунд разглядывал его, потом медленно покачал головой с выражением врача, которому достался особенно безнадёжный пациент.

— И вот за эту совершенно нездоровую самооценку я тебя особенно ценю.

— Самооценка становится нездоровой только тогда, когда

не соответствует действительности.

Пирс демонстративно повернулся к Эдриану.

— Пожалуйста, скажи, что хотя бы тебя это раздражает.

Эдриан придержал страницу большим пальцем и посмотрел на него. Пауза затянулась ровно настолько, чтобы Логан успел принять молчание за поддержку.

— Раздражает.

Пирс победно хлопнул ладонью по колену.

— Спасибо.

— Но ты раздражаешь меня сильнее, Пирс.

Торжество на лице Логана погасло так быстро, что Натаниэль рассмеялся уже в голос.

— Теперь я действительно рад, что вы пришли.

Логан нахмурился и уже открыл рот для ответа, но вдруг остановился. Его внимание скользнуло куда-то за плечо Нейта, и перемена оказалась настолько заметной, что Натаниэль невольно проследил за его взглядом.

Через холл к ним шла девушка.

В потоке студентов она не торопилась в привычном смысле слова, хотя двигалась быстро. Просто не делала ни одного лишнего движения: обходила встречающих, не сбавляя шага, время от времени смотрела в телефон, снова поднимала голову. Расстёгнутое пальто чуть расходилось при ходьбе, светлые волосы цеплялись за ворот, а тяжёлая сумка на плече заставляла её изредка поправлять ремень.

Нейт узнал её ещё до того, как смог хорошо рассмотреть

лицо.

Кэтрин Рид.

Накануне вечером, получив распределение участников программы, он открыл её университетский профиль — скорее по привычке, чем из интереса. Перед встречей Нейт всегда предпочитал иметь хотя бы общее представление о человеке напротив.

Имя Кэтрин ничем не выбивалось из десятков других студенческих анкет. Второй курс, финансовая экономика, уверенные оценки и особенно сильная математика. Хорошая студентка, судя по всему, привыкшая относиться к учёбе серьёзно. Ни громкой фамилии, которую он мог бы узнать, ни списка достижений, составленного так, будто автор уже готовился баллотироваться в президенты студенческого совета.

Он закрыл её профиль через несколько минут и почти сразу перестал о нём думать.

Теперь же обнаружил, что девушка из сухой университетской анкеты совершенно не совпадает с тем образом, который успел сложиться в голове.

— Если это твоя подопечная, — негромко произнёс Логан, мгновенно оживившись, — я официально требую пересмотра распределения.

Нейт на секунду отвёл взгляд от приближающейся Кэтрин.

— Ты даже не участвуешь в программе.

Логан тяжело вздохнул и откинулся обратно, однако глаза

тут же вернулись к девушке.

— Именно поэтому ситуация особенно несправедлива.

Эдриан прикрыл книгу, проследил за взглядом друга и едва заметно качнул головой.

— Ты считаешь несправедливой любую систему, в которой женщину нельзя заранее выбрать по фотографии.

— Это называется вниманием к деталям, — невозмутимо возразил Логан, расправляя плечи.

— Это называется отсутствием стыда.

Спор наверняка продолжился бы, но в этот момент Кэтрин подняла голову, и Логан сам потерял к нему интерес.

Она увидела их почти сразу.

Натаниэль невольно задержал взгляд на её лице. За последние годы он привык к едва заметным изменениям, которые часто происходили после узнавания: лишняя секунда внимания, быстрый взгляд на одежду, часы, лицо; чуть другая улыбка, словно человек внезапно начинал тщательнее следить за собственным выражением.

Кэтрин посмотрела на него без этой знакомой заминки.

Она лишь на секунду сверилась с телефоном, словно проверяя, туда ли пришла, и снова подняла глаза. В её походке ничего не изменилось: тот же уверенный шаг, та же сосредоточенность, будто впереди была обычная встреча из расписания, а не событие, которому следовало придавать какой-то дополнительный смысл.

Нейт сам не заметил, как начал рассматривать её внима-

тельное.

Подойдя к ним, Кэтрин скользнула взглядом по Логану и Эдриану, задержалась на каждом ровно настолько, чтобы отметить их присутствие, а затем снова посмотрела на Натаниэля.

— Натаниэль Кросс?

Она произнесла имя полностью — без привычного «Нейт» и без той интонации, с которой иногда произносили его фамилию люди, уже успевшие составить о нём мнение до знакомства.

Натаниэль закрыл ноутбук, отодвинул его в сторону и не удержался от лёгкой провокации.

— Зависит от того, с какой целью интересуешься.

На лице Кэтрин промелькнуло что-то между недоумением и насмешкой. Она даже бросила короткий взгляд на табличку программы наставничества, будто действительно решила проверить, не ошиблась ли этажом.

— Я вообще-то надеялась познакомиться со своим наставником. **Хотя сейчас начинаю понимать, почему на это выделили целую неделю.** Если на один вопрос уходит столько времени, к пятнице как раз закончим знакомство.

Логан и Эдриан переглянулись и совершенно открыто стали наблюдать за парочкой.

Нейт почувствовал, как собственная усмешка всё-таки прорвалась наружу.

Кэтрин не пыталась его уколоть. Не изображала дерзость

и не ловила реакцию окружающих после каждой реплики. Она просто не позволила поставить себя в неловкое положение и сделала это настолько естественно, будто другого ответа даже не рассматривала.

— Натаниэль Кросс— произнёс он, на этот раз без игры.

— Уже лучше.

В уголках её губ мелькнула улыбка, и она протянула руку. Нейт поднялся ей навстречу. Вблизи она оказалась немного ниже, чем представлялось по фотографии, а голубые глаза — гораздо светлее. Разница в росте была заметной, однако Кэтрин, кажется, вообще не придавала ей значения: не отступила, не напряглась и не стала демонстративно скидывать подбородок.

Она просто пожала ему руку.

— Приятно познакомиться, я Кэтрин Рид.

— Взаимно.

Рукопожатие получилось коротким и совершенно обычным. Кэтрин первой отпустила его ладонь и тут же бросила взгляд на свободные кресла, явно считая формальную часть знакомства законченной.

Натаниэль задержался на ней ещё на пару секунд и опустился в свое кресло.

Вчера на фотографии он увидел красивую блондинку и не придавал этому особого значения. Красивых девушек в его окружении никогда не было мало. Сейчас внимание удерживала не внешность, хотя с близкого расстояния она опреде-

лённо выигрывала у университетского снимка.

Кэтрин просто вела себя так, словно рядом не происходило ничего примечательного.

Ни знакомая фамилия, ни трое старшекурсников, ни его намеренно самоуверенный тон не заставили её хоть немного изменить манеру держаться. И при этом в её поведении не было показного равнодушия — того, которое слишком легко распознать именно потому, что человек очень старается продемонстрировать, насколько ему всё безразлично.

Она действительно пришла на обычную встречу.

А Натаниэль вдруг поймал себя на мысли, что для него она уже перестала быть совершенно обычной.

Логан позволил тишине продержаться ровно столько, сколько вообще позволял его характер.

— Ну, — протянул он, переводя взгляд с Кэтрин на Нейта, — я бы сказал, знакомство прошло значительно лучше, чем могло.

Кэтрин повернулась к нему, и по её лицу нельзя было понять, принимает она замечание всерьёз или уже готовит ответ.

— А что именно, по-твоему, могло пойти не так?

Вопрос прозвучал совершенно спокойно, однако Натаниэль уже успел заметить: с Кэтрин это спокойствие вовсе не означало безобидность. Логан, разумеется, воспринял его ровно наоборот и заметно оживился.

— Вариантов было много. Например, после его первого

ответа ты могла решить, что наставничество переоценено, и уйти.

— Я об этом подумала.

Нейт сразу посмотрел на неё.

Кэтрин встретила его взгляд без малейшего смущения, но через секунду уголок её губ всё-таки дрогнул.

— Просто не стала развивать эту назойливую мысль.

— Какая удача, — сухо заметил он.

Логан рассмеялся, явно довольный происходящим, а Эдриан наконец оторвался от книги. До этого Локвуд с таким совершенством изображал человека, не имеющего к разговору никакого отношения, что посторонний вполне мог бы ему поверить. Натаниэль знал друга слишком давно: Эдриан не читал уже несколько минут.

Его взгляд ненадолго задержался на Кэтрин, затем скользнул к Логану и в конце концов остановился на Нейте.

— Тоскливое зрелище, — невозмутимо заключил он.

Натаниэль едва заметно усмехнулся, но Эдриан уже потерял интерес к их знакомству и перевернул запястье, взглянув на часы.

— На твоём месте я бы уже начал двигаться в сторону семинара, Логан.

Тот всё ещё смотрел на Кэтрин и отмахнулся с той беспечностью, с какой относился практически ко всему, что, по его мнению, можно было решить за последние пять минут.

— Успею.

Эдриан снова опустил взгляд на циферблат. Теперь его выражение напоминало не столько проверку времени, сколько оценку степени безнадёжности друга.

— Через двадцать минут.

Улыбка Логана стала менее уверенной.

Он медленно повернулся к Локвуду всем корпусом.

— Через сколько?

— Через двадцать.

Несколько секунд стадии осознания на лице Пирса почти наглядно сменяли друг друга: сначала недоверие, затем попытка вспомнить собственное расписание и, наконец, раздражение человека, который только что обнаружил, что время почему-то продолжало идти без его разрешения.

Он резко вскинул руку, посмотрел на часы и тихо выругался.

— Почему ты раньше не сказал?

Эдриан спокойно посмотрел на него с невозмутимостью человека, который заранее знал, чем закончится разговор.

— Говорил.

Логан нахмурился.

— Когда?

— Первый раз — когда мы сюда пришли. Второй — минут десять назад, когда ты заявил, что у тебя «ещё вагон времени».

Нейт не удержался от усмешки.

— Помню. Ты ещё очень убедительно объяснил нам, что

двадцать минут — это практически час.

Логан тут же перевёл на него возмущённый взгляд.

— Я рассчитывал на поддержку.

— Ты ошибся аудиторией.

Кэтрин тихо рассмеялась, и Пирс мгновенно повернулся к ней, словно наконец обнаружил единственного человека, способного оценить масштаб творящейся несправедливости.

— Видишь, с кем мне приходится дружить?

Она окинула его взглядом, в котором сочувствия оказалось обидно мало.

— Пока я вижу человека, которому дважды напомнили про семинар. Сочувствовать в данной ситуации весьма сложно.

Логан прижал ладонь к груди и театрально вздохнул.

— И ты туда же.

Эдриан тем временем уже поднялся с кресла. Он убрал книгу в сумку, расправил пальто и, не тратя времени на новые комментарии, направился к выходу с таким видом, будто дальнейшая судьба Логана окончательно перестала входить в круг его интересов.

Пирс несколько секунд смотрел ему вслед, явно колеблясь между желанием продолжить спор и необходимостью всё-таки появиться на занятии. Победил, к удивлению Натаниэля, семинар.

— Вот так всегда, — пробормотал он, хватая куртку и устремляясь за Эдрианом. — Бросает человека в трудную

минуту и ещё считает себя другом.

Из коридора почти сразу донёлся спокойный голос Локвуда:

— Ты идёшь не туда.

— Я знаю!

— Оно и видно.

Их голоса постепенно растворились в шуме холла.

Кэтрин всё ещё смотрела вслед друзьям, и на её лице наконец появилась открытая улыбка. Эта короткая нелепая сценка заметно расслабила её: исчезла первоначальная собранность, плечи опустились, а в голубых глазах осталось живое веселье.

Нейт поймал себя на том, что снова рассматривает её.

Светлая прядь выбилась из волос и упала на щёку. Кэтрин машинально заправила её за ухо, даже не подозревая, что он наблюдает за этим простым движением.

Несколько минут назад перед ним стояла незнакомая девушка из университетского профиля, явно готовая выдержать обязательную встречу и заняться своими делами. Теперь тот образ постепенно распадался на детали, которые простая анкета показать не могла.

Натаниэль первым направился к лестнице, и Кэтрин пошла рядом.

В какой-то момент их шаги совпали, затем она немного замедлилась, пропуская навстречу группу студентов, и снова оказалась рядом. Тяжёлая сумка съехала с плеча, и Кэт при-

вычным движением подтянула ремень выше.

Нейт невольно покосился на неё.

— Ты всегда носишь с собой столько вещей?

Кэтрин опустила взгляд на сумку, словно только сейчас вспомнила о её существовании.

— Это ещё немного.

— Боюсь спрашивать, что тогда считается много.

Она чуть улыбнулась.

— День, когда мне нужны учебники.

— И всё это действительно бывает нужно?

Теперь Кэтрин посмотрела уже на него — с лёгким удивлением, будто странным ей показался не вес сумки, а сам вопрос.

— Лучше иметь вещь и не использовать, чем оставить дома и весь день жалеть.

Нейт чуть повернул к ней голову.

— Ты всё планируешь заранее?

— По возможности.

— Не утомляет?

На этот раз она не ответила сразу.

Веселье, оставшееся после Логана и Эдриана, чуть приглушилось, и на секунду в её лице появилось что-то совсем другое — более серьёзное, чем позволял их лёгкий разговор.

— Значительно сильнее утомляют последствия, когда не планируешь.

Произнесла она это буднично, без желания придать сло-

вам особый вес, и, возможно, именно поэтому они зацепили сильнее.

Натаниэль мог спросить, что именно она имеет в виду. Обычно он так и делал: если какая-то деталь не складывалась в общую картину, предпочитал прояснить её сразу. Но сейчас почему-то решил оставить вопрос при себе.

Они поднялись на второй этаж, и шум большого холла почти сразу остался где-то внизу. Здесь было спокойнее: за одной из закрытых дверей ещё продолжалось занятие, возле дальнего окна разговаривали несколько студентов, но в остальном коридор постепенно пустел вместе с университетским вечером.

Кэтрин время от времени посматривала на номера аудиторий.

Нейт заметил это после третьего раза.

— Не доверяешь?

Она повернула голову.

— Проверяю, куда ты меня ведёшь.

— Мы всё ещё в университете.

— Именно поэтому вариантов слишком много.

Натаниэль усмехнулся.

— Я твой наставник, Рид, а не похититель.

— Пока первое утверждение доказано примерно настолько же хорошо, как второе.

Он демонстративно закатил глаза, а Кэтрин, судя по довольному лицу, именно этого и добивалась.

У нужной двери Нейт остановился и достал ключ-карту, которую получил вместе с материалами программы. Замок коротко пискнул.

Кэт посмотрела на номер аудитории, словно действительно удостоверяться, что их маленькое путешествие закончилось там, где обещано.

— Кажется, добрались.

— Ты сомневалась?

— После начала нашего знакомства я решила больше ничего не принимать на веру.

Натаниэль открыл дверь и отступил в сторону, пропуская её вперёд.

Кэтрин уже сделала шаг, но на пороге вдруг задержалась и повернула к нему голову.

— Видишь? Уже лучше. На этот раз ты даже не заставил меня объяснять, зачем я хочу войти.

Нейт усмехнулся.

— Неделя только началась.

Она покачала головой, словно ничего другого и не ожидала, и вошла в аудиторию.

Натаниэль задержался в коридоре всего на несколько секунд.

В кармане лежал телефон с письмом, которого он ждал большую часть дня. Юристы «Аксиом Индастриз» наконец прислали финальные документы, а значит, можно было подтверждать следующие переговоры и двигаться дальше. Ещё

час назад он проверял экран каждые несколько минут, раздражаясь на любую задержку.

Теперь требовалось всего лишь открыть письмо и отправить короткий ответ.

Но впервые за весь день это перестало казаться срочным.

Нейт посмотрел на Кэтрин, уже устраивавшуюся за одним из столов, затем вошёл следом и прикрыл за собой дверь.

Глава 3

Кэтрин

Когда дверь аудитории закрылась, шум Лернер-холла почти сразу остался снаружи. Голоса проходивших по коридору студентов превратились в глухой фон, а после Логана с его неиссякаемой способностью занимать собой всё пространство вокруг внезапная тишина показалась Кэтрин непривычно плотной.

Она прошла к первому ряду и поставила сумку на соседний стул. Комната была самой обычной — несколько рядов столов, доска с плохо стёртыми формулами, экран проектора и высокие окна, за которыми виднелся вечер, медленно собирающийся над кампусом. Где-то на подоконнике остался забытый учебник, а возле кафедры валялся колпачок от маркера.

В такой обстановке Натаниэль Кросс должен был окончательно превратиться из университетской легенды Мэдди в обычного старшекурсника. Почему-то не превратился.

Кэтрин присела, достала ноутбук и краем глаза заметила, как Натаниэль положил сумку на стол напротив. Без Логана и Эдриана рядом он выглядел немного иначе — спокойнее, собраннее. Тёмный джемпер, рукава, подтянутые к локтям, часы на запястье и чёрные волосы, которые после нескольких движений рукой окончательно перестали выглядеть ак-

куратными.

Фотография, которую вчера так настойчиво показывала ей Мэдди, всё-таки оказалась неудачной.

На ней Натаниэль казался идеальным: строгая одежда, спокойное выражение лица, безупречная осанка — всё это делало его старше и серьёзнее, чем он был на самом деле. Вживую образ быстро рассыпался. Здесь уже были и усталость после занятий, и растрёпанные чёрные волосы, которые он то и дело поправлял рукой, и живая насмешка в глазах. В двадцать два он сейчас выглядел именно на свои двадцать два — просто человеком, которому слишком легко удавалось чувствовать себя уверенно в любом пространстве.

Кэтрин почти услышала в голове голос Мэдди: *я же говорила.*

Она тут же открыла ноутбук. Пусть даже не мечтает.

— Удобно? — спросил Натаниэль.

Он уже сел напротив и теперь наблюдал, как она вытаскивает из сумки блокнот, зарядку и ручку.

— Пока да, — ответила Кэтрин, устраивая провод так, чтобы он не мешал под столом.

Одного слова оказалось достаточно, чтобы он едва заметно улыбнулся.

— Мне начинать беспокоиться из-за этого «пока»?

Кэтрин подняла голову. В его голосе не было ничего серьёзного, и она позволила себе не торопиться с ответом.

— Учитывая первые пятнадцать минут знакомства, я ре-

шила не строить слишком долгосрочных прогнозов.

— А я был уверен, что самое сложное уже позади.

Натаниэль открыл письмо на телефоне, но взгляд его по-прежнему оставался на ней, и Кэт сразу поняла: он сейчас не столько спорит, сколько проверяет, продолжит ли она эту замысловатую игру слов.

— Если ты про установление личности, — произнесла она, — то здесь действительно есть прогресс. Я почти уверена, что ты тот самый шаблонный Натаниэль Кросс.

— Почти?

— Не люблю поспешных выводов.

Он тихо усмехнулся и только после этого опустил взгляд к экрану.

Кэтрин невольно улыбнулась.

Разговаривать с ним оказалось легче, чем она ожидала. Вчера после рассказов Мэдди в её голове успел сформироваться вполне определённый образ: избалованный собственной фамилией парень, слишком красивый, слишком богатый и наверняка слишком осведомлённый о первых двух обстоятельствах. Харпер была сдержаннее, но даже она признала за Кроссом склонность вести себя так, будто мир в целом неплохо устроен вокруг его планов. Самоуверенность в нем действительно присутствовала.

Однако раздражала не так сильно, как должна была. Это было подозрительно.

Натаниэль пробежался взглядом по письму и положил те-

лефон экраном вниз.

— Судя по инструкции, сегодня мне положено узнать твои академические интересы, карьерные планы и цели на неделю, а затем дать несколько настолько полезных советов, чтобы к пятнице твоя жизнь существенно улучшилась.

Кэтрин медленно откинулась на спинку стула.

— Амбициозно.

— Мне тоже понравилось.

— А если к пятнице улучшений не будет?

Он сделал вид, что серьёзно задумался над возможными последствиями.

— Видимо, придётся признать поражение системы образования.

Кэтрин рассмеялась и покачала головой. Натаниэль улыбнулся в ответ, однако почти сразу отложил телефон в сторону, словно вместе с ним убрал и официальную часть разговора.

— Давай проще. Мне совершенно не хочется всю неделю читать тебе вопросы из инструкции, а тебе, думаю, не хочется на них отвечать.

— Уже звучит разумнее.

— Поэтому просто поговорим.

Вот теперь Кэтрин действительно посмотрела на него внимательнее.

Она ожидала почти чего угодно — формального собеседования, разговора о предметах, высокомерных советов вы-

пускника второкурснице. Простое предложение поговорить почему-то выбивалось из всех приготовленных заранее вариантов.

— Хорошо, — согласилась она. — Только если это действительно разговор, а не замаскированный допрос.

— Если тебе станет некомфортно, можешь позвать Логана. Он наверняка вернётся и разрушит любую серьёзную беседу минут за пять.

— Заманчиво, но пока обойдёмся своими силами.

Улыбка снова мелькнула в его глазах, но на этот раз Натаниэль не стал развивать шутку.

— Почему финансовая экономика?

Кэтрин почти сразу разочарованно выдохнула.

— Вот это и есть твоя версия нестандартного разговора?

Он рассмеялся.

— Что не так с вопросом?

— Ничего. Именно в этом и проблема. Мне его задавали раз двадцать.

— Тогда у тебя должен быть очень хороший ответ.

Кэтрин положила локоть на стол и подпёрла подбородок ладонью.

— Мне нравится.

Она произнесла это совершенно серьёзно, однако выражение Натаниэля почти не изменилось. Он не стал спорить, не уточнил ничего и просто продолжал смотреть на неё так спокойно, что через несколько секунд Кэт сама почувство-

вала нелепость собственного ответа.

— Что? — не выдержала она.

— Ничего.

— У тебя сейчас был очень содержательный ответ.

Он чуть склонил голову.

— Я просто жду, когда ты перестанешь отвечать так, будто заполняешь анкету.

Кэтрин прищурилась.

— Может тогда стоит перестать задавать вопросы из анкеты?

— Я был уверен, что на вопрос ты можешь ответить лучше.

Фраза прозвучала без насмешки, и именно поэтому задела сильнее.

Кэтрин несколько мгновений смотрела на него, пытаясь понять, не прячется ли за серьёзным тоном очередная провокация. Натаниэль сидел спокойно, не торопя её и не пытаясь заполнить паузу.

Кэтрин опустила взгляд на свои руки. На большом пальце остался едва заметный серый след от карандаша — привычное доказательство того, что последнюю пару она провела, снова крутя его между пальцами.

— Хорошо, — произнесла она наконец. — Тогда нормальный ответ.

Натаниэль ничего не сказал, только чуть удобнее устроился в кресле.

— Мне всегда было интересно, почему одинаковая ошибка может стоить двум людям совершенно разную цену, — Кэтрин замолчала на мгновение, собирая мысль. — Деньги обычно обсуждают как возможность что-то купить: квартиру, машину, хорошую одежду. Но мне кажется, это вообще не самое важное. Они покупают время и право выбирать.

Она подняла взгляд.

Натаниэль слушал уже иначе. Исчезла полуулыбка, с которой он встретил её несколько минут назад.

— Если у тебя есть запас, — продолжила Кэтрин, — ты можешь уйти с работы, которая тебе не подходит. Можешь потратить год на плохое решение, попробовать открыть бизнес и закрыть его, ошибиться с выбором университета или города. Да, будет неприятно, но твоя жизнь на этом не закончится. А для другого человека ровно та же ошибка может означать долг, потерянную стипендию или необходимость бросить учёбу.

Она чуть пожала плечами.

— Мне интересно, как устроена система, в которой один человек может позволить себе несколько неудачных попыток, а другой вынужден с первого раза сделать правильный выбор.

Последние слова прозвучали как личная драма, чего ей хотелось меньше всего.

Кэтрин почувствовала это почти сразу.

Она ожидала вопроса. Натаниэль до сих пор производил

впечатление человека, который не любит оставлять недосказанность.

Однако он не спросил, к какой именно категории она относит себя, лишь несколько секунд просто смотрел на неё, после чего спокойно заметил:

— Сейчас я отчасти понимаю, почему ты выбрала финансовую экономику.

Ни снисходительности, ни показного одобрения. И почему-то именно поэтому Кэтрин стало приятно.

Она спрятала это ощущение за усмешкой.

— Какое облегчение. А я уже начала волноваться, что не пройду вступительный экзамен в собственную специальность.

— Я бы дал тебе ещё попытку.

— Очень великодушно.

На этот раз они улыбнулись почти одновременно.

Разговор после этого пошёл иначе.

Кэтрин сама не заметила, в какой момент перестала следить за тем, насколько Натаниэль соответствует вчерашнему описанию подруг. Он спрашивал о предметах, которые ей нравились, о преподавателях, о том, что она собиралась делать после выпуска. Но вопросы не звучали как пункты тестирования. Каждый следующий цеплялся за предыдущий ответ, заставляя её объяснять то, над чем раньше она сама не особенно задумывалась.

Когда речь зашла о работе, Кэтрин перечислила аналити-

ку, инвестиции и управление активами, а инвестиционный банкинг оставила где-то в конце.

Натаниэль сразу это заметил.

— Ты говоришь об этом так, будто сама себе не очень веришь.

Кэтрин улыбнулась и провела пальцем по тачпаду.

— Потому что не уверена, что хочу однажды обнаружить себя в три часа ночи за исправлением шрифта в презентации, которую утром кто-нибудь представит клиенту как результат собственной гениальности.

Нейт рассмеялся и опустил взгляд.

— Сейчас где-то заплакала половина выпускного курса.

— Ошибаешься. У них нет времени плакать. Они исправляют шрифт.

Его смех стал громче.

Кэтрин неожиданно поймала себя на том, что ей нравится вызывать эту реакцию. Не привычную самоуверенную усмешку, а именно настоящий смех, от которого лицо Натаниэля на несколько секунд становилось моложе и гораздо менее контролируемым.

Она тут же вернула внимание к экрану.

— Тогда чего ты хочешь от работы? — спросил он, когда веселье улеглось.

На этот раз Кэтрин не стала отделяться коротким ответом.

Она рассказала, что хочет заниматься задачами, где каче-

ство решения действительно имеет значение; что любит разбираться в цифрах до тех пор, пока за ними не начинается проявляться логика; что её раздражает работа, в которой человек может годами существовать на одном громком названии компании в резюме и почти ничему не научиться.

Натаниэль слушал, иногда задавая уточняющие вопросы. И чем дольше продолжался разговор, тем яснее Кэтрин замечала: он почти никогда не спрашивает просто из вежливости.

Если её ответ становился слишком общим, он возвращался к нему. Если она бросала фразу, за которой скрывалось что-то ещё, он замечал.

Это постепенно начинало напоминать не собеседование, а интеллектуальную игру, в которой Кэт неожиданно не хотелось уступать.

— Какие стажировки ты рассматриваешь? — спросил Натаниэль, когда разговор добрался до следующего года и её будущего.

Она открыла сохранённую таблицу.

— Пока три основные. Здесь хорошая программа для аналитиков, у второй сильное направление по коммерческой недвижимости, а третья меньше, зато стажёров допускают к нормальной работе, а не заставляют три месяца сортировать материалы для старших сотрудников.

Натаниэль придвинул ноутбук чуть ближе, просматривая названия.

— Почему нет «Блэквелла»?

Кэтрин удивлённо посмотрела на него.

— Потому что туда хотят примерно все.

— Это не причина не подаваться.

— Я не сказала, что не подамся.

— Но в основном списке их нет.

Она задержала взгляд на экране.

Он снова заметил.

Разумеется.

— Там конкуренция выше, — объяснила Кэтрин. — И мне интереснее получить сильный опыт в компании чуть меньше, чем провести лето в очень известном месте, где никто через неделю не вспомнит моего имени.

Натаниэль несколько секунд молчал.

— Странная логика.

Кэтрин подняла на него взгляд.

— Почему?

— Потому что ты заранее решаешь за компанию, что тебя там не заметят.

Она нахмурилась.

— Я этого не говорила.

— Почти.

— Нет. Я оцениваю вероятность.

— Ты её даже не знаешь.

В его голосе не было ни насмешки, ни желания намеренно задеть её, однако Кэтрин всё равно почувствовала, как внут-

ри поднимается знакомое сопротивление, заставляя выпрямиться и убрать руку с тачпада. Ещё минуту назад они вполне спокойно обсуждали стажировки, но теперь ей всё отчётливее казалось, что Натаниэль перестал просто задавать вопросы и нащупал в её рассуждениях что-то, что собирался разобрать до основания.

— Я знаю, как работает конкуренция, — произнесла она, стараясь сохранить тот же спокойный тон, хотя сама уже прекрасно слышала появившуюся в нём жёсткость.

Натаниэль не стал спорить сразу. Он лишь скользнул взглядом по открытому на экране списку компаний, задержался на названии, которое Кэтрин сознательно поставила ближе к концу, а затем снова посмотрел на неё с той сосредоточенностью, которая постепенно начинала действовать ей на нервы.

— Тогда объясни мне, почему ты говоришь о конкуренции так, будто она уже приняла решение за тебя.

Кэтрин нахмурилась и слегка отодвинулась от стола.

— Я ничего подобного не говорила. Я сказала, что хочу выбрать место, где с большей вероятностью получу полезный опыт, а не потрачу лето на попытки затеряться среди сотни таких же стажёров.

— Нет, — возразил Натаниэль всё тем же ровным голосом и, развернув ноутбук чуть сильнее к ней, коснулся пальцем нужной строки. — О полезном опыте ты заговорила сильно позже. Первое, что ты сказала об этой компании, — туда

слишком сложно попасть.

Кэтрин посмотрела сначала на его руку возле своего ноутбука, затем ему в лицо. Больше всего раздражало даже не то, что он спорил, а то, с какой спокойной уверенностью Натаниэль разбирал каждую произнесённую ею фразу, будто перед ним лежала очередная финансовая модель и где-то внутри обязательно скрывалась ошибка.

— Потому что туда действительно сложно попасть. Я не понимаю, что именно тебя удивляет.

— Ничего. Я просто хочу понять, почему сложность для тебя автоматически превращается в аргумент против попытки.

Он откинулся на спинку стула, но взгляда не отвёл, и Кэтрин вдруг с неприятной ясностью поняла, что привычной шуткой этот разговор уже не закончить.

— Потому что я привыкла оценивать свои шансы до того, как трачу время на что-то, вероятность чего близка к нулю.

Натаниэль едва заметно приподнял бровь.

— Хорошо. Тогда какова вероятность?

Вопрос застал её врасплох не содержанием, а простотой. Кэтрин несколько секунд молчала, ожидая продолжения, однако Нейт явно собирался дожидаться именно её ответа.

— Я, разумеется, не высчитывала процент, если ты об этом.

— Тогда откуда взялось «близка к нулю»?

Она раздражённо выдохнула и провела ладонью по воло-

сам, убирая за ухо выбившуюся прядь.

— Господи, Нейт, мне не нужна статистическая модель, чтобы понимать: когда на несколько мест приходят сотни заявок, шансы ниже.

— Общие — безусловно. Но ты сейчас говоришь не об общих шансах, а о своих.

Натаниэль подался вперёд, положив предплечья на стол, и в его лице уже не осталось даже намёка на прежнюю ленивую усмешку.

— Ты берёшь несколько сотен совершенно разных кандидатов и почему-то рассматриваешь их как одинаковые единицы. У кого-то оценки хуже твоих, у кого-то нет нужных курсов, кто-то провалит интервью, кто-то вообще рассылает одно и то же резюме во все компании подряд, потому что хочет известное название. Но в своей голове ты складываешь их в одну большую цифру и используешь её как доказательство того, что лично тебе почти бессмысленно пытаться.

Кэтрин скрестила руки на груди, чувствуя, как раздражение становится всё менее удобным и всё более похожим на защитную реакцию.

— Ты сейчас предлагаешь мне исходить из того, что я лучше большинства этих людей?

— Я предлагаю тебе вообще перестать решать за них и за себя одновременно. Пусть компания сама определяет, насколько ты хороша. Это буквально их работа.

Ей хотелось немедленно возразить, но подходящего ар-

гумента не нашлось, а пауза длилась уже достаточно долго, чтобы Натаниэль успел её заметить. По тому, как едва заметно изменился его взгляд, Кэтрин поняла: он увидел слабое место и теперь уже точно не отпустит.

— Послушай, — начала она, подавшись к столу, — я не отказываюсь от заявки. Я просто расставляю приоритеты и выбираю программы, в которых вижу более реальную перспективу.

— Тогда назови причину, по которой эта программа хуже остальных.

Кэтрин указала на экран.

— Большие команды, много стажёров, меньше прямого доступа к старшим сотрудникам. Я читала отзывы.

Натаниэль сразу кивнул, и неожиданная лёгкость, с которой он принял этот аргумент, на мгновение сбила её с толку.

— Вот это нормальная причина. Если программа действительно устроена так, что ты получишь меньше опыта, ставь её последней. Но это совсем не то же самое, что «туда слишком сложно попасть».

Он снова повернул ноутбук к ней и провёл пальцем по списку, будто хотел физически разделить два этих довода.

— В первом случае ты оцениваешь программу. Во втором — заранее оцениваешь себя и почему-то делаешь это не в свою пользу.

Кэтрин почувствовала, как неприятно точно легли последние слова.

— Ты хочешь сказать, что я боюсь отказа?

На этот раз Натаниэль не ответил мгновенно. Он некоторое время рассматривал её, будто выбирал между дипломатичной формулировкой и той, которую действительно считал верной, и, судя по последующим словам, выбрал вторую.

— Я думаю, ты достаточно умна, чтобы придать страху форму рационального решения и потом поверить в себя.

Кэтрин медленно убрала руки со стола.

Вот теперь он действительно её задел.

— Очень смелый психологический вывод для человека, который абсолютно меня не знает.

— Возможно. Но за этот час ты ни разу не сказала, что не хочешь туда попасть. Ты говорила о количестве кандидатов, шансах, времени, конкуренции — о чём угодно, кроме того, что сама программа тебе неинтересна.

Он говорил без нажима, почти буднично, и именно поэтому Кэтрин не могла списать его слова на желание победить в споре. Натаниэль не пытался перекричать её или заставить согласиться; он просто последовательно убирал один аргумент за другим, пока ей не осталось ничего, за чем можно было бы удобно спрятаться.

— Легко рассуждать об отказах, когда у тебя фамилия Кросс, — сказала она наконец, понимая, что фраза прозвучала острее, чем собиралась, но уже не желая брать её обратно.

Что-то в лице Натаниэля изменилось. Не обида и не раз-

дражение — скорее внимание стало ещё более собранным.

— Объясни.

Кэтрин несколько секунд рассматривала его, проверяя, не прозвучал ли этот короткий вопрос как вызов, однако он действительно ждал продолжения.

— Для тебя отказ редко означает конец дороги. Если одна дверь не открылась, ты знаешь, что существует другая. У тебя есть связи, деньги, фамилия, семья, люди, которым можно позвонить. Я не говорю, что ты ничего не делаешь сам, и не собираюсь обесценивать то, чего ты добился, но у тебя с детства есть уверенность, что вариантов всегда больше одного. Это меняет отношение к риску.

Она произнесла последнее уже спокойнее и отвела взгляд к экрану, ожидая, что теперь он начнёт защищаться.

Натаниэль, однако, не стал отрицать очевидное.

— Хорошо. У меня действительно больше ресурсов, и было бы идиотизмом делать вид, что это никак не влияет на мои возможности. Но какое отношение мои ресурсы имеют к тому, что ты можешь сегодня вечером открыть сайт компании и отправить заявку?

Кэтрин снова посмотрела на него.

— Потому что ты всё сводишь к одному действию.

— Потому что сейчас мы обсуждаем одно действие.

В его голосе впервые появилась более жёсткая нота, хотя громче он говорить не стал.

— Я не утверждаю, что у всех одинаковые стартовые усло-

вия. Это было бы неправдой. Я говорю, что конкретно в этой ситуации у тебя есть возможность, которую ты почти вычеркнула ещё до попытки, а потом назвала это рациональным расчётом.

Кэтрин поджала губы.

— В твоём мире всё очень просто: увидел возможность — использовал.

— Нет, Рид. В моём мире, если возможность мне нужна, я сначала пытаюсь её получить, а уже потом позволяю кому-то другому решить, достаточно ли я хорош.

На несколько мгновений в аудитории стало настолько тихо, что Кэтрин слышала приглушённый смех из коридора и гул вентиляции под потолком. Она смотрела на Натаниэля и с раздражением понимала, что именно сейчас он впервые показался ей по-настоящему опасным собеседником — не потому, что был громче или увереннее, а потому, что умел найти точку, вокруг которой человек выстроил удобное объяснение, и заставить посмотреть прямо на неё.

Она потянулась к ноутбуку, собираясь закрыть таблицу и хотя бы на несколько минут сменить тему, но Натаниэль заметил движение и легко придержал крышку двумя пальцами.

— Не убегай.

Кэтрин подняла на него возмущённый взгляд.

— Я не убегаю. Я просто решила, что мы достаточно подробно обсудили мою предполагаемую трусость.

— Я не называл тебя трусливой.

— Нет, ты выбрал куда более изящную формулировку.

На его лице наконец мелькнула улыбка, но руку он убрал только после того, как Кэтрин перестала закрывать ноутбук.

— Тогда ответь на последний вопрос, и я отстану. Допустим, ты подаёшь заявку и получаешь отказ. Что ты теряешь?

Она устало откинулась назад.

— Несколько часов. Возможно, больше, если дойду до интервью. Время на подготовку.

— Хорошо. А если не подашься вообще?

Кэтрин уже знала, куда он ведёт разговор, и именно поэтому отвечать не хотелось. Она посмотрела на список компаний, потом снова на Натаниэля, который совершенно спокойно ждал, не пытаясь помочь ей закончить собственную мысль.

— Возможность получить место, — признала она наконец.

Нейт едва заметно кивнул.

— Значит, в худшем случае ты теряешь несколько часов и получаешь отказ. В лучшем — стажировку, которую сейчасставишь так высоко, что сама же боишься воспринимать её как реальный вариант. Где в этой конструкции рациональность не подаваться?

Кэтрин медленно выдохнула и потёрла пальцами висок.

Больше всего ей хотелось найти логическую дыру просто

из принципа.

Дыры не было.

— Ты специально разговариваешь так, чтобы в конце человеку оставалось либо согласиться с тобой, либо выглядеть идиотом?

Натаниэль откинулся на спинку стула, и только теперь в его глазах снова появилась знакомая насмешка, почти исчезнувшая за время их спора.

— Нет. Я просто задаю вопросы.

Кэтрин уже собиралась ответить колкостью, но вдруг осеклась. Это раздражало сильнее всего.

Потому что, если отбросить его самодовольный тон, он действительно не заставлял её говорить ничего из того, что прозвучало за последние несколько минут. Не подсовывал выводы, не переиначивал её слова и даже не пытался выставить её смешной. Каждый раз он всего лишь брал очередной аргумент, который она сама выкладывала перед ним, и задавал следующий вопрос. А потом ещё один.

До тех пор, пока Кэтрин не обнаружила, что собственными руками разобрала почти всё объяснение, которым ещё десять минут назад была совершенно довольна.

Она медленно провела пальцами по виску и с досадой выдохнула.

— Чёрт.

Натаниэль слегка приподнял бровь.

— Что?

Кэтрин посмотрела на него уже без прежнего запала.

— Ничего. Просто поняла, что ты даже не загнал меня в угол, я сама туда добровольно шагнула.

Улыбка едва коснулась его губ, однако на этот раз он благодарно промолчал.

— Не смей радоваться, — предупредила она, сразу заметив это выражение. Теперь он всё-таки улыбнулся.

— Я бы сформулировал мягче.

— Конечно. Потому что это будет звучать особенно великодушно после того, как я сама только что уничтожила собственные аргументы.

— Ты их не уничтожила. Просто выяснила, что они были не теми, за что ты их принимала.

Кэтрин несколько секунд смотрела на него, после чего тихо рассмеялась — уже скорее над собой, чем над ситуацией.

— Ненавижу людей, которые настолько довольны собой.

Натаниэль чуть склонил голову, и в его лице снова появилось то спокойное удовольствие, которое начинало действовать ей на нервы всё быстрее.

— А я здесь вообще ни при чём. Ты всё сделала сама.

— Вот это сейчас было особенно мерзко.

— Зато честно.

Кэтрин покачала головой и снова посмотрела на список компаний, уже прекрасно понимая, что спор проиграла не Натаниэлю, а собственной логике.

Она развернула ноутбук к себе и, прежде чем успела пе-

редумать, перетащила название компании из нижней части списка в основной блок.

Движение было небольшим, почти бессмысленным, но Натаниэль заметил его моментально.

Кэтрин медленно повернула к нему голову.

— Если ты сейчас произнесёшь хотя бы одно слово, я верну её обратно.

На этот раз он благоразумно промолчал, лишь едва заметно приподняв уголок губ, и это молчаливое удовлетворение оказалось почему-то ещё более раздражающим, чем любой возможный комментарий.

Кэтрин снова посмотрела на экран и попыталась сосредоточиться на таблице, хотя сама уже прекрасно понимала, чем закончится вечер.

Она отправит эту чёртову заявку.

И хуже всего было то, что Натаниэль тоже это понимал.

— Я имею в виду другое, — продолжил он. — Ты говоришь о себе так, будто обязана заранее просчитать, где шанс достаточно высокий, чтобы попытка была оправданной. Но иногда подать заявку стоит именно потому, что шансы плохие.

Кэтрин чуть расслабилась, хотя полностью раздражение не исчезло.

— Давай попробуем одну вещь.

Кэтрин с подозрением посмотрела сначала на него, потом на ноутбук, где он вбивал в поисковик какие-то данные.

— После этой фразы обычно начинается что-нибудь незаконное.

— Разочарую.

На экране была финансовая модель компании: несколько лет отчётности, прогноз роста, долговая нагрузка, предполагаемая стоимость сделки.

Кэтрин сразу придвинулась ближе.

— Настоящая?

— Учебная.

— Ты сейчас так быстро ответил, что я стала сомневаться ещё сильнее.

Натаниэль улыбнулся.

— Все данные вымышлены. Компания покупает конкурента. Твоя задача — решить, стоит ли соглашаться на сделку.

— А твоя задача?

— Смотреть и наслаждаться.

Кэтрин повернула к нему голову.

— Звучит раздражающе.

— Мне подходит.

Она вздохнула, но уже через минуту перестала обращать на него внимание.

С цифрами у Кэтрин всегда происходило одно и то же. Пока задача оставалась поверхностной, мысли продолжали цепляться за десяток вещей одновременно. Стоило появиться чему-то действительно интересному — весь внешний мир

становился тише.

Она прокрутила таблицу один раз, потом вернулась наверх.

На первый взгляд всё выглядело почти идеально.

Именно это ей не понравилось.

Прогноз предполагал рост выручки сразу после объединения, улучшение маржи и удивительно скромные расходы на интеграцию. Даже клиентская база практически не сокращалась.

Кэтрин нахмурилась.

— Кто составлял модель?

Натаниэль, до этого молча наблюдавший, чуть повернул к ней ноутбук.

— Допустим, продавец.

Она усмехнулась, не отрывая глаз от цифр.

— Тогда половину можно сразу делить на два.

— Радикально.

— Но это сэкономит уйму времени.

Он ничего не ответил, и Кэт продолжила.

Через несколько минут она нашла строку, которая беспокоила сильнее остальных.

— Почему после сделки рост восемнадцать процентов?

— Синергия.

Кэтрин медленно подняла голову.

Натаниэль смотрел совершенно серьёзно.

— Ненавижу это слово.

— Почему?

Она развернула экран к нему.

— Потому что им удобно прикрывать места, где нормальное объяснение закончилось. «Синергия» — и все делают вид, что восемнадцать процентов появились из воздуха по уважительной причине.

На губах Нейта появилась улыбка.

— Неплохое определение.

Кэтрин снова опустила взгляд к таблице, и на этот раз задача окончательно вытеснила всё остальное. Чем дольше она изучала модель, тем меньше замечала и время, и аудиторию, и самого Натаниэля напротив. Цифры перестали быть набором строк и начали складываться в историю, а в хороших историях она всегда искала место, где кто-то слишком старательно пытался сделать всё красивым.

Именно там обычно и скрывалась проблема.

Через несколько минут её внимание зацепилось за данные по клиентской базе. Кэтрин вернулась на несколько строк выше, затем снова прокрутила таблицу вниз и нахмурилась.

— Подожди, — произнесла она уже скорее себе, чем Нейту. — У этих компаний пересекаются клиенты?

Натаниэль чуть подался вперёд, но ответил не сразу, и этой короткой паузы оказалось достаточно, чтобы Кэтрин оторвалась от экрана и посмотрела на него внимательнее.

— Значит, всё-таки пересекаются.

В его глазах мелькнуло едва заметное одобрение.

— Частично.

— Насколько частично?

— Достаточно, чтобы это имело значение.

Кэтрин снова развернулась к ноутбуку и провела пальцем по строке прогноза удержания клиентов. Чем дольше она смотрела, тем очевиднее становилось, что модель пытается выдать желаемое за почти неизбежное.

— Тогда вот это уже выглядит слишком красиво, — сказала она, указывая на цифры. — Здесь предполагается, что после объединения почти вся клиентская база останется на месте, но если аудитория компаний действительно пересекается, часть людей уйдёт сама. Остальных придётся удерживать ценой, новыми условиями или дополнительными расходами, а значит, либо выручка будет ниже, либо затраты окажутся выше. В этой модели нет ни одного из этих сценариев.

Натаниэль поднялся со своего места и обошёл стол, чтобы посмотреть на экран с её стороны. Он остановился рядом, опираясь ладонью о край стола, и расстояние между ними вдруг стало настолько небольшим, что Кэтрин уловила лёгкий древесный запах его парфюма.

Мысль оборвалась. Не исчезла — всего лишь сбилась на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы она разозлилась на саму себя.

Кэтрин чуть сильнее придвинула ноутбук и заставила взгляд вернуться к цифрам.

— Если, конечно, продуктовые линейки не дополняют

друг друга настолько хорошо, что клиентам действительно есть смысл оставаться, — заметил Натаниэль, всё ещё стоя рядом.

Кэтрин повернула голову и почти сразу встретила с ним глазами.

С такого расстояния они оказались совсем не такими тёмными, как на фотографии. Карими, тёплыми, с едва заметным золотистым оттенком у радужки.

Она первой отвела взгляд.

— Тогда я хочу увидеть это в данных. Здесь такого нет.

Нейт слегка наклонился к экрану, будто ещё раз проверяя строку, которую и без того наверняка знал наизусть.

— Возможно, автор модели просто сделал такое допущение.

— Возможно. Только он подозрительно добр к собственным прогнозам, — Кэтрин усмехнулась и откинулась назад. — В людей я иногда верю. В продавца, который хочет получить максимальную цену за компанию, значительно реже.

Натаниэль тихо рассмеялся, выпрямился и вернулся на своё место.

И только когда он снова оказался напротив, Кэтрин окончательно поняла, что всё это время он не искал ответ вместе с ней.

Он его уже знал. Знал, где именно модель провисает, какие допущения слишком оптимистичны и к какой строке она в конце концов придёт. Он просто наблюдал, сколько време-

ни ей потребуется, чтобы заметить то же самое.

Станным образом это не раздражало.

Наоборот, внутри появилось знакомое чувство азарта — то самое, которое возникало всякий раз, когда задача переставала быть учебной и превращалась в проверку того, насколько далеко она сможет зайти сама.

Кэтрин снова посмотрела на экран. Она нашла ещё несколько сомнительных расходов, поспорила с предположением о марже и только потом откинулась назад.

— Я бы не покупала.

— Совсем?

— Не на этих условиях.

— Что попросишь?

Кэтрин начала перечислять: другую оценку удержания клиентов, реальные расходы на интеграцию, несколько сценариев роста вместо одного слишком оптимистичного.

Натаниэль не перебивал.

Когда она закончила, в его лице больше не осталось той лёгкой насмешки, с которой началась встреча.

— Хорошо.

Одно слово.

Но произнесено оно было иначе.

Кэтрин почувствовала почти нелепое удовольствие.

— Это всё?

— А чего ты ждала?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Официального заключения.

— Хорошо. — Он чуть наклонился вперёд. — Ты заметила основной риск быстрее, чем большинство людей, которым я давал этот кейс.

В его голосе не было ни попытки польстить, ни снисходительности старшего курса.

Простой факт и от этого комплимент оказался приятнее.

— Спасибо.

Натаниэль улыбнулся.

— Смотри. Получается.

— Что?

— Принимать комплименты.

Кэтрин уже открыла рот, чтобы ответить, но взгляд случайно упал на часы.

Она нахмурилась.

— Не может быть.

— Что?

— Мы почти час здесь сидим.

Натаниэль посмотрел на время и тоже едва заметно удивился.

Кэтрин начала собирать вещи.

— Мне нужно идти.

— Куда?

Вопрос прозвучал совершенно естественно, настолько естественно, что Кэтрин, продолжая складывать зарядку в сумку, невольно улыбнулась. И почти сразу поймала себя на

этой улыбке.

Чёрт.

Вот теперь она начинала понимать, что именно вчера пыталась объяснить Мэдди.

Кэт мысленно одёрнула себя прежде, чем воспоминание успело развернуться во все подружкины рассуждения о самоуверенных мужчинах, привыкших получать желаемое. Нет, высокомерным Натаниэль сейчас точно не выглядел. Он не требовал ответа и, кажется, даже не предполагал, что задаёт слишком личный вопрос. Всё было гораздо проще и поэтому заметнее: он спрашивал так, как человек спрашивает о чём-то, что ему интересно, совершенно не сомневаясь, что собеседник ответит.

Будто между вопросом и ответом в его мире обычно не существовало отдельного этапа, на котором человек мог решить, хочет ли вообще что-нибудь рассказывать.

Кэтрин застегнула боковой карман сумки и только после этого подняла на него глаза.

— Это уже не входит в программу наставничества.

Вместо ожидаемой усмешки на лице Натаниэля появилось лёгкое недоумение. Похоже, отказ отвечать действительно оказался для него менее очевидным вариантом, чем сам вопрос.

— Секрет? — спросил он, чуть нахмурившись.

Кэтрин покачала головой, чувствуя, как улыбка снова пытается вернуться.

— Нет. Совсем нет.

— Тогда почему не сказать?

Кэтрин схватила сумку и наконец подняла глаза.

— Потому что ты спросил так, словно я должна ответить.

Натаниэль замолчал всего на несколько секунд, однако этого оказалось достаточно, чтобы Кэтрин уловила в его лице настоящее удивление. Оно промелькнуло быстро, почти сразу сменившись привычным спокойствием, и именно поэтому доставило ей какое-то совершенно детское удовольствие: похоже, возможность просто не получить ответ действительно не входила в число сценариев, которые он обычно рассматривал.

Нейт тихо выдохнул, будто признавая её маленькую победу, а затем улыбнулся и слегка изменил тон, сделав его нарочито вежливым.

— Хорошо, попробуем ещё раз. Кэтрин, не расскажешь, куда ты собираешься после встречи?

Она задержала на нём взгляд, изображая куда более серьёзные размышления над новой формулировкой, чем та заслуживала, и только потом одобрительно кивнула.

— Уже значительно лучше. Но, пожалуй, оставлю ответ до завтра.

Натаниэль покачал головой и рассмеялся, наблюдая, как она отодвигает стул и начинает медленно продвигаться к выходу из аудитории.

— Я начинаю подозревать, что тебе просто нравится не

отвечать на мои вопросы.

— Не на все, — возразила Кэтрин, поправляя выбившуюся из сумки лямку. — Только на те, которые кажутся мне излишне любопытными.

Нэйт поднялся следом, но спор продолжать не стал, чтобы не отдавать эту маленькую победу своей подопечной. Вместо этого он предложил продолжить занятия завтра. Кэтрин достала телефон, быстро проверила расписание и убедилась, что между парами действительно остаётся подходящее окно.

— Могу до трёх двадцати.

— Почему именно до трёх двадцати?

Нэйт задал вопрос так обыденно, пытаясь все также подловить ее на крючок. Кэтрин медленно подняла глаза от экрана, и одного её взгляда оказалось достаточно, чтобы осознать: она понимает, что он делает.

На его лице появилась короткая усмешка.

— Ладно, уже понял. Тебя не сломить и не сломать.

Кэтрин не удержалась от улыбки.

— Быстро учишься.

— Я не учусь, а преподаю.

Она тихо рассмеялась, добавляя встречу в календарь.

— Конечно, конечно.

Натаниэль заметил, что она что-то записывает, и с любопытством покосился на экран.

— Вносишь меня в расписание?

Кэтрин тут же вспомнила вчерашнюю запись — 14:30, На-

натаниэль Кросс — и совершенно довольное лицо Мэдди, которая умудрилась разглядеть её через плечо.

— Разумеется. В отличие от некоторых, я предпочитаю знать, где должна находиться и во сколько.

— И как эта встреча подписана в календаре?

Она на несколько мгновений задумалась, говорить или промолчать

— 14:20: час необоснованной самоуверенности.

По выражению его лица было件нятно, что такой вариант показался ему недостаточно интересным.

— И это после того, как ты сама передвинула компанию выше в списке? Неблагодарная нынче аудитория.

Кэтрин уже убирала телефон в сумку, но на его замечании остановилась и медленно подняла глаза. Натаниэль смотрел на неё с откровенным удовольствием, словно одно перемещение строки в таблице окончательно закрепило за ним право считать спор выигранным.

— Не обольщайся, Кросс. Я передвинула компанию, а не тебя в список людей, к мнению которых собираюсь прислушиваться без сопротивления.

На несколько мгновений он замолчал, а затем тихо рассмеялся, признавая, что ответ получился лучше, чем он ожидал.

— Значит, у меня ещё есть куда расти.

— Огромное пространство, — заверила Кэтрин с самым серьёзным выражением лица, раскидывая руки вокруг себя.

Она направилась к двери, но уже у самого выхода обернулась. Натаниэль стоял возле стола, и теперь выглядел куда меньше похожим на того самоуверенного незнакомца, которого она увидела в холле меньше часа назад. Самоуверенность никуда не исчезла, конечно, Кэтрин подозревала, что это вообще невозможно, но теперь за ней обнаруживалось кое-что более интересное. Человек, с которым ей действительно хотелось поспорить ещё раз.

— Завтра в два двадцать, — напомнила она, коснувшись ручки двери. — Постарайся не опоздать. У тебя всего час на необоснованный спор.

Натаниэль поднял на неё взгляд, и знакомая усмешка снова появилась в его глазах.

— После сегодняшнего я рассчитывал хотя бы на полтора часа.

Кэтрин покачала головой, не скрывая улыбки.

— После такого мне понадобится терапия у психолога, поэтому я и ограничила время заранее.

На этот раз рассмеялись оба.

Кэт открыла дверь, впуская в тихую аудиторию шум коридора, и уже шагнула наружу, когда за спиной услышала его голос:

— До завтра, Рид.

Она обернулась через плечо.

— До завтра, Кросс.

Дверь закрылась между ними, а улыбка почему-то оста-

лась.

Оказавшись в коридоре, Кэтрин прошла несколько шагов и только потом достала телефон. За время встречи Мэдди успела отправить ей сразу три сообщения, причём каждое следующее выглядело чуть более возмущённым, чем предыдущее.

Сначала на экране красовалось короткое и весьма требовательное: **НУ???**

Через несколько минут к нему добавилось: **КЭТРИН. Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ВИДИШЬ ТЕЛЕФОН.**

А последнее сообщение уже откровенно угрожало последствиями:

Если ты сейчас сидишь напротив красавчика и специально заставляешь меня ждать, я хочу пересмотреть условия нашей дружбы.

Кэтрин остановилась возле лестницы и невольно рассмеялась. Часть её всерьёз предлагала ничего не отвечать ещё минут двадцать исключительно ради удовольствия представить, до какой степени драматизма Мэдди успеет дойти за это время, но здравый смысл всё-таки победил.

Она напечатала:

Живой. Самоуверенный. Безумно раздражающий.

Три точки появились почти мгновенно, и Кэтрин уже собиралась убрать телефон обратно в сумку, когда неожиданно для самой себя добавила ещё одно слово:

Умный.

Ответ пришёл настолько быстро, словно Мэдди всё это время сидела, не сводя глаз с экрана.

А КРАСИВЫЙ НЕ НАПИШЕШЬ???

Кэтрин прикрыла глаза и покачала головой. Разумеется. Можно было обсуждать интеллект, карьеру, характер, финансовые модели и вообще что угодно, но в системе координат Мэдисон Брукс всё неизбежно возвращалось к одному.

Спускаясь по лестнице, Кэтрин написала:

У тебя удивительно стабильная система ценностей.

Следующее сообщение не заставило себя ждать:

ЭТО НЕ ОТВЕТ.

Она улыбнулась экрану, собираясь придумать очередную отговорку, но совершенно некстати вспомнила Натаниэля, стоявшего рядом с её столом и склонившегося над ноутбуком. Сосредоточенный взгляд, тёмные волосы, упавшие чуть ближе ко лбу, едва заметная складка между бровями, появлявшаяся всякий раз, когда он переставал шутить и полностью переключался на задачу.

Кэтрин почти сразу одёрнула себя и быстро напечатала:

Нормальный.

На этот раз ответ Мэдди состоял всего из одного слова:

ВРАНЬЁ.

Кэт тихо рассмеялась и наконец убрала телефон в сумку, решив, что на сегодня подруга получила более чем достаточно материала для дальнейших выводов.

Пусть думает что хочет. Тем более что сама Кэтрин

неожиданно обнаружила: после почти часа рядом с Натаниэлем его внешность занимала её значительно меньше, чем могла бы предположить Мэдди.

Утром эта встреча была для неё всего лишь очередной записью в календаре, обязательным пунктом программы, на который следовало потратить время, получить хоть какую-то пользу и вернуться к собственным делам.

Теперь всё изменилось совсем немного, но достаточно, чтобы Кэтрин это заметила.

Ей хотелось узнать, что Натаниэль приготовит для неё завтра, какой ещё вопрос заставит её спорить с ним дольше, чем она собиралась, и сумеет ли он снова найти в её рассуждениях то самое слабое место, которое она сама предпочла бы не замечать.

И вот это уже было куда опаснее его знаменитых шуток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.